

лись возле здания СДК. В это время у А. возник преступный умысел, направленный на вовлечение несовершеннолетнего Р. в совершение преступления, а именно — причинение телесных повреждений М. Реализуя преступный умысел, в этот же день в период времени с 21 часа до 22 часов А., достоверно зная о том, что Р. не достиг восемнадцатилетнего возраста, подошел к нему и приказал нанести побои М. При этом он пригрозил Р., что в случае отказа тот сообщит его родителям об употреблении Р. пива. Р., опасаясь наказания со стороны родителей за употребление пива, воспринял угрозу А. реально. Выполняя требования А., Р. подошел к М. и нанес несколько ударов кулаком в лицо, после чего отошел в сторону, снял куртку, снова подошел к М. И вновь нанес несколько ударов кулаками в лицо и голову М. В результате преступных действий А. М. были причинены телесные повреждения в виде кровоподтеков в области спинки носа, в области правого глаза, в области нижнего века левого глаза, ссадины и отека мягких тканей в области верхнего века левого глаза, множественных ушибов (гематом) мягких тканей теменной области головы и левой части головы, которые, как по отдельности, так и в совокупности, не причинили вреда здоровью М. (приговор Чарышского районного суда Алтайского края от 13 июля 2011 г. по делу № 1-23/2011).

Е.Д. Опанасенко и В.П. Алехин говорят о том, что угроза может выражаться как вербально, так и в письменной форме, а также жестами, и в этих действиях виновного лица должна прослеживаться угроза причинения физического, материального или какого-либо иного вреда подростку или его правам и интересам. Кроме того, это может быть угроза причинения имущественного вреда родственникам либо угроза причинения физического вреда подростку или какому-либо из его родственников, угроза лишения несовершеннолетнего заниматься в определенной секции и использовать иные способы, которые выражены в угрозе [11, с. 394].

По суждению Л.М. Прозументова, этот способ выражается в психической неприкосновенности личности несовершеннолетнего и тех неблагоприятных последствиях, которые наступают для него и близких ему родственников, если он не согласится совершить определенное деяние [20, с. 123].

Е.А. Набатова и Е.И. Пырьева считают, что этот способ связан с применением физического и психического насилия со стороны вовлекателя, также при этом может быть продемонстрировано оружие (огнестрельное, холодное либо предметы, используемые в качестве оружия), либо причинен вред здоровью подростка [5, с. 101].

В данном случае наша позиция по применению насилия либо по угрозе его применения была озвучена ранее.

Таким образом, угроза как способ, отраженный в ч. 1 ст. 150 УК РФ, предполагает, что вовлекатель предъявляет жесткое требование либо осуществляет запугивание подростка. Цель угрозы — заставить несовершеннолетнего совершить планируемое виновным определенное преступление. При этом угроза может выражаться в психическом насилии (например, угроза распространения каких-либо личных сведений, угроза причинения имущественного вреда и т.п.), так как физическое насилие — это квалифицированный состав анализируемого нами преступления.

Последним способом, указанным в ч. 1 ст. 150 УК РФ, является «иной способ». Касательно его интерпретации в правоприменительной практике ведется дискуссия. В частности, А.С. Тюлина говорит, что сочетание «иные способы» приобретают такую же нагрузку, как и фраза «любым способом», в силу чего возникает насущный вопрос: для чего тогда отечественный законодатель отразил ряд определенных способов в ч. 1 ст. 150 УК РФ? Вместе с тем она указывает, что если бы отечественный законодатель отразил бы все возможные способы вовлечения лицом, достигшим 18-летнего возраста, несовершеннолетнего, то какая бы в этом случае была бы объемная ч. 1 ст. 150 УК РФ [18, с. 204]. Поэтому отечественный законодатель не стал перечислять все данные способы, а указал признак объективной стороны в данной части ст. 150 как «иные способы».

Е.Д. Опанасенко и В.П. Алехин полагают, что под данным определением следует понимать: зависть, месть, корысть, низменные побуждения, на которых акцентирует внимание в процессе диалога совершеннолетний, общаясь с подростком [11, с. 395].

С точки зрения Н.К. Семерновой, это угрозы, подкуп и т.п., важно только при доказывании данного способа установить, что именно

он был основополагающим при вовлечении несовершеннолетнего в совершение определенного преступления [19, с. 196].

Отличительная точка зрения на данный способ вовлечения у Л.М. Прокументова. Он говорит, что к нему относится формирование у подростка жестокости, сексуальной извращенности, втягивание подростка в наркоманию, пиар преступного мира и т.п. [20, с. 123–124].

Е.А. Набатова и Е.И. Пырьева относят к этом способу разжигание у ребенка низменных побуждений, например, корысти, зависти и т.п. [5, с. 101].

Так, в судебной практике имеет место квалификация по данному способу вовлечения подростков в совершение преступления при следующих обстоятельствах.

В приговоре суда, вынесенного по уголовному делу № 1-72/2019 Туапсинским городским судом Краснодарского края, указывается, что З.Д.В., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в период времени с 17 часов 10 минут до 17 часов 30 минут, находясь в помещении гипермаркета «Магнит», достоверно зная о несовершеннолетнем возрасте А., предложил последнему принять участие в совершении преступления, пояснив, что для осуществления его преступного умысла несовершеннолетний А. должен пройти с ним по торговому залу гипермаркета «Магнит» АО «Тандер», в процессе чего З.Д.В. будет складывать в портфель, находящийся на спине у несовершеннолетнего А., товары и продукты питания со стеллажей гипермаркета «Магнит» АО «Тандер». Затем несовершеннолетний А. должен был выйти за пределы торгового зала, не оплатив товары, находящиеся в его портфеле. Кроме того, З.Д.В. убедил несовершеннолетнего А., что в случае обнаружения кражи чужого имущества А. не будет подлежать уголовной ответственности, так как является лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. Он убедил последнего в безнаказанности совершения преступления, при этом отдавая отчет в их пагубном влиянии на подростка, негативном воздействии на неокрепшую психику несовершеннолетнего, нарушая его нормальное духовное, нравственное развитие и желая этого, тем самым предпринял активные действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания участвовать в совершении

преступления, а именно — тайном хищении имущества, принадлежащего АО «Тандер», на сумму 3 074 рубля 28 копеек.

Таким образом, З.Д.В. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 150 УК РФ, квалифицируемого по признакам: вовлечение лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, несовершеннолетнего в совершение преступления иным способом.

В другом приговоре Г.С.А. совершила вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления иными способами, она же совершила мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана при следующих обстоятельствах: 16 августа 2012 года около 9 часов 30 минут Г.С.А., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, имея преступный умысел на завладение чужим имуществом путем обмана, заранее заказала по сети Интернет через сайт ООО «ВАЙЛДБЕРРИЗ» различные виды товаров, и путем уговоров и морального давления на свою малолетнюю сестру ФИО1 заставила последнюю пойти во двор многоквартирного дома № 96 по ул. Красной в городе Кропоткине Кавказского района Краснодарского края и забрать путем обмана у курьера ООО «ВАЙЛДБЕРРИЗ» Б.А.А. заказанный ранее товар, тем самым вовлекая ФИО1 в совершение преступления (приговор Кропоткинского городского суда Краснодарского края от 2 ноября 2012 г. по делу № 1-283).

В другом приговоре отмечается, что Д.М.С. совершил вовлечение несовершеннолетнего Ф. в совершение преступления иными способами при следующих обстоятельствах: Д.М.С. решил совершить незаконное проникновение в жилище с целью выяснения отношений с И. по поводу имевшегося у него конфликта. Понимая, что в результате конфликта с указанными лицами может возникнуть драка, для увеличения численного превосходства Д.М.С. решил позвать вместе с собой иных лиц, в том числе своего знакомого несовершеннолетнего Ф. Заведомо зная, что Ф. является несовершеннолетним, Д.М.С. попросил его вместе с ним проникнуть в жилище, на что Ф., находящийся с Д.М.С. в дружеских отношениях, согласился. В период времени Д.М.С. совместно с Ф. и иными лицами, нарушая права граждан на неприкосновенность их жилища, умышленно, из личных неприязненных отношений, незаконно, против

воли проживающих в жилище проникли в дом, то есть совершили преступления, предусмотренные ст. 139 ч. 1 и ст. 139 ч. 1 УК РФ. Таким образом, Д.М.С. вовлек несовершеннолетнего Ф. в совершение данных преступлений (приговор Охотского районного суда Хабаровского края от 17 января 2012 г. по делу № 1-1/2012).

Данный способ говорит об открытости и неопределенности законодателя — какими еще способами преступник может вовлекать подростка в совершение уголовно-наказуемых деяний. При этом в целом можно сказать, что перечень способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления не является исчерпывающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный Департамент при Верховном Совете Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.02.2020).
2. Заречнев Д.О. О некоторых проблемных вопросах квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2010. № 1(18). С. 110–112.
3. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Коровин Е.П., Бавсун М.В., Попов П.В. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 2(27). С. 56–61.
5. Набатова Е.А., Пырьева Е.И. Способы совершения вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2018. № 1(5). С. 99–105.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1. Ч. II. Ст. 212.
7. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 01 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) // Российская газета. 2011. 11 февраля.
8. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Российская газета. 2017. 30 мая.
9. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июня 2016 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 июня 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26. Ч. I. Ст. 3851.
10. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 27.12.2019): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 3 июля 1998 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 9 июля 1998 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.
11. Опанасенко Е.Д., Алехин В.П. Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений // Ростовский научный журнал. 2017. № 5. С. 390–397.
12. Осипова Т.В., Копылова Н.А. О способах вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2016. № 6. С. 61–63.
13. Осокин Р.Б. Уголовное право в схемах (общая часть): учебное пособие / под ред. Н.Г. Кадникова и В.И. Динеки. М.: Московский университет МВД России: Щит-М, 2006. 88 с.
14. Панфилов Е.Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: актуальные проблемы квалификации глазами молодежи // Актуальные проблемы права и управления глазами молодежи: материалы международной научной студенческой конференции; под общей редакцией И.Б. Богородицкого. Тула: Автономная некоммерческая организация высшего образования Институт законовещения и управления ВПА, 2014. С. 132–134.
15. Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 12.02.2020).
16. Решетникова Г.А. Об обмане как способе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2013. № 2. С. 177–180.
17. Рузевич О.Р., Кадиров Р.А. Способ совершения преступления как признак объективной стороны // Апробация. 2015. № 3(30). С. 94–98.
18. Тюлина А.С. Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов. Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 202–204.
19. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2008. 1008 с.
20. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прокументова. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 844 с.
21. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-12

Батманов Станислав Александрович,
преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького,
д. 88, e-mail: steve90@yandex.ru

Batmanov, Stanislav A.,
Professor, Chair of Criminal Procedure
and Forensic Science, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation,
e-mail: steve90@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

LEGAL CERTAINTY OF EVALUATIONS IN CRIMINAL JUSTICE

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена условиям определенности оценочных понятий, используемых в уголовном судопроизводстве. Автором сформулированы критерии, которым должны отвечать оценочные категории в тексте уголовно-процессуального кодекса, а также обоснована необходимость тщательного системного и лингвистического анализа закона на предмет определенности оценочных понятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовая определенность; неопределенность; уголовный процесс; оценочные понятия; системность.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Батманов С.А. Правовая определенность оценочных понятий в уголовном судопроизводстве // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 73–79. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-12

ABSTRACT. The article is devoted to the conditions of certainty of valuation concepts used in criminal proceedings. The author formulated the criteria that assessment categories should meet in the text of the Code of Criminal Procedure, and also substantiates the need for a thorough systematic and linguistic analysis of the law for the certainty of assessment concepts.

KEYWORDS: legal certainty; uncertainty; criminal procedure; valuation concepts; systematic nature.

FOR CITATION:

*Batmanov, S.A. Legal certainty of evaluations in criminal justice. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 73–79 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-12*

Применение оценочных понятий в праве неизбежно. Эффективность судебной деятельности напрямую зависит от качества формулировки данных понятий и от качества их применения в конкретном деле.

Оценочным понятиям посвящено немало исследований. В российском правовом регулировании, объективируемом в правотворчестве и правореализации, особенно в правоприменении, отмечается наличие большого разнообразия оценочных понятий, вызывающего нередко затруднение в их регулятивном понимании и использовании.

Предпринималось немало попыток сформулировать признаки оценочных понятий. По мнению А.Ю. Ильина, к признакам правовых оценочных понятий можно отнести:

- 1) отсутствие определения правовых оценочных понятий в нормах законодательства;
- 2) правовые оценочные понятия представляют собой совокупность обобщений различных явлений, предметов, процессов, действий;
- 3) оценочные понятия в праве фиксируют наиболее общие признаки обобщаемых явлений, предметов, процессов, действий;
- 4) конкретизация правовых оценочных понятий, определение явлений и фактов окружающей действительности, входящих в объем оценочного понятия, применительно к предусмотренной законодателем ситуации в процессе правоприменения осуществляются путем их оценки;
- 5) определение содержания правовых оценочных понятий в процессе их применения зависит от правосознания лица, применяющего правовую норму [2].

Правовые оценочные понятия подвергались в отечественной юридической науке классификации; при этом выделялся ряд видов данных понятий, которые с течением времени получали изменения и дополнения в связи с критической оценкой этих видов другими исследователями, выявлением новых их видов. Безусловно, это видовое деление еще не завершено, так как выявляются новые основания этого деления. В связи с этим обратимся к обобщающему, уточняющему и дополняющему видовому делению оценочных понятий в праве, в особенности закрепляемых в российских федеральных нормативных правовых актах [4].

В юридической литературе наиболее разработанной и широко признанной является клас-

сификация правовых оценочных понятий по содержанию, в рамках которой выделяют три основных вида: качественные, количественные и смешанные оценочные понятия. Как отмечает А.А. Кондрашев, «возможность выработки определенных стандартов зависит и от вида оценочного понятия» [5].

Качественные оценочные понятия определяются как выражающие свойства, признаки обобщаемых ими процессов и явлений в зависимости от ценностной ориентации законодателя. Качественные оценочные понятия, как отмечают исследователи, «очевидно, преобладают (например, грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина, реальная угроза для жизни и здоровья граждан), выражают свойства, признаки обобщаемых явлений в зависимости от ценностной ориентации законодателя, но без указания на степень соответствия свойств этой ценностной ориентации» [3].

Количественные же понятия содержат определенные параметры, отражающие степень выраженности данных признаков, их интенсивность.

Оценочные понятия смешанного типа являются совокупностью комбинированных признаков количественных и качественных оценочных понятий. Некоторыми исследователями в отношении этих категорий используется термин «составные понятия» [3].

Применительно к уголовному судопроизводству может быть сформирована своя особая классификация оценочных понятий. Уголовный процесс изобилует данными оценочными категориями. Условно их можно подразделить на две группы:

- когда формулировку можно свести к фразе «наличие достаточных данных»;
- когда формулировку можно свести к фразе «по своему усмотрению».

В первом случае речь идет непосредственно о возможности оценки имеющихся материалов, доказательств как на основании для принятия того или иного решения. Во втором случае имеет место классический пример дискреционной нормы права, то есть возможности правоприменителя действовать по своему усмотрению.

Само собой, любая классификация в данном случае весьма условная и основной ее целью является упрощение исследования соответствующей категории.

В науке уже представлено немало трудов, посвященных усмотрению в уголовном процессе. Например, исследованию такого прямого (классического) усмотрения следователя, когда законодатель категорическими суждениями обозначает полномочие возможности выбора из альтернатив, посвящена работа М.А. Кунашева [6]. Часть 1 статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусматривает право следователя избирать обвиняемому (подозреваемому) одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ. Следователю предоставляется право выбора в конкретном выражении — избирать или не избирать меру пресечения вообще и право выбора по виду меры пресечения.

Фактическим усмотрением назовем случаи, когда следователь может в качестве требуемого законом основания возникновения права «усмотреть» наличие соответствующего основания в обстоятельствах, подлежащих оценке, — так называемая умышленная переоценка или, наоборот, недооценка по усмотрению каких-либо обстоятельств, являющихся основанием принятия решения. А именно, когда основание возникновения полномочия в законе указано оценочными терминами, что и вызывает видимость использования конкретного полномочия правоприменителем по своему усмотрению. Это так называемые оценочные понятия «при необходимости», «в исключительных случаях», «достаточно» и т.д. Различие между фактическим и прямым усмотрением проводится по тому признаку, что при классическом усмотрении законодатель в ясной форме, пусть и с использованием разной терминологии, указывает о наличии у следователя полномочия разрешения ситуации по своему усмотрению (например, прекращение или прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ)). При усмотрении, которое предлагается называть «фактическим», возникновение полномочия в законе обусловлено наличием определенного обстоятельства. Но эта определенность относительна, так как обозначена с помощью оценочных терминов «исключительный случай», «необходимость» и т.д. Интерпретация правоприменителем оценочных понятий, используемых законодателем, называется в литературе наиболее часто используемой формой усмотрения.

Например, в ч. 1 ст. 97 УПК РФ указано, что мера пресечения избирается при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый (обвиняемый) скроется, может продолжать заниматься преступной деятельностью или может угрожать свидетелю(-ям). Какие основания следователь расценит как достаточные для утверждения наличия одного из перечисленных оснований, законодателем отдается на усмотрение следователя. Таким образом, даже в рамках одной нормы законодатель использует совмещение двух выделенных нами видов усмотрения.

Можно ли обвинить следователя в злоупотреблении, что он усмотрел «не в том» «исключительность», «необходимость» или «достаточность», ответ очевиден, что нет. В связи с этим мы имеем соответствие этой ситуации основному признаку «усмотрения» — выбор из законных альтернатив. Исходя из изложенного понимания, альтернатива при усмотрении может выражаться не только в виде вариантов решений, прямо указанных законодателем, но и в виде вариантов оценки обстоятельств, причем оценки, фактически не ограниченной никакими критериями, а вследствие этого являющейся законной. Рассмотрим еще один пример усмотрения следователя в действующем законодательстве. Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 196 УПК РФ «Обязательное назначение судебной экспертизы» внесен п. 3.2 о том, что производство судебной экспертизы является обязательным для установления психического или физического состояния подозреваемого (обвиняемого), когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией. Однако на практике не сложилось единого понимания того, что является «основанием полагать, что фигурант болен наркоманией». То ли это факт состояния подозреваемого на учете в качестве наркомана, то ли заключение наркологической экспертизы, то ли просто факт изъятия у лица наркотического средства. Исходя из этого, обязательность назначения судебно-психиатрической экспертизы по данной статье УПК РФ определяется по усмотрению следователя по его пониманию наличия данных оснований.

Как справедливо отмечает М.А. Кунашев, мы имеем соответствие этой ситуации основному

признаку «усмотрения» — выбор из законных альтернатив. Исходя из изложенного понимания, альтернатива при усмотрении может выражаться не только в виде вариантов решений, прямо указанных законодателем, но и в виде вариантов оценки обстоятельств, причем оценки, фактически не ограниченной никакими критериями, а вследствие этого являющейся законной.

В контексте определенности уголовного судопроизводства с учетом выводов М.А. Кунашева можно необходимо сформулировать условия использования оценочных понятий в уголовном судопроизводстве.

Конституционный суд РФ неоднократно обозначал свои критерии использования оценочных понятий. По мнению высшего органа конституционного контроля, при оценке установленного федеральным законодателем правового регулирования административно-деликтных отношений не исключается — в частности, с учетом особенностей конкретных объектов правовой охраны и необходимости адекватного и пропорционального применения административно-правовых запретов в условиях многообразия складывающихся в конкретной сфере моделей поведения — использование оценочных или общепринятых понятий. При этом вытекающее из Конституции Российской Федерации требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм, предполагающее доступность административно-правового запрета для восприятия и его понятность субъектам соответствующих правоотношений, может обеспечиваться также с помощью даваемых судами разъяснений по вопросам их применения¹. По сути, Конституционный суд РФ, применительно к оценочным понятиям не формирует особых требований к их использованию в праве, так как критерии их определенности схожи с общими требованиями определенных норм. Однако ввиду специфики содержания оценочных понятий и их правоприменительных особенностей их определенность требует более глубокого анализа.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015 № 185-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Запрягаева Александра Борисовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 10 Федерального закона «О защите конкуренции» и положениями статьи 14.31 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Мы полагаем, что необходимо выделить следующие критерии определенности оценочных понятий.

1. Наличие характеристик, позволяющих уяснить понятие.

К таким критериям следует отнести:

– уяснение значения термина и критериев его использования;

– уяснение пределов применения понятия;

В этой группе критериев речь идет в первую очередь о тех условиях, которые указывает Конституционный суд РФ, — ясность, недвусмысленность и т.д. В то же время эти требования более конкретные.

Возможность уяснения значения требования предполагает одинаковое понимание всеми субъектами права смысла, вкладываемого законодателем в оценочное понятие, что, как показывает опыт, немаловажно. К примеру, даже не оценочное понятие алиби в общественном сознании означает непричастность лица к совершению преступления, доказательство его невиновности и т.п. Поэтому законодатель абсолютно правильно поступил, раскрыв данное понятие в ст. 5 УПК РФ — нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте. Такой подход позволил исключить иное понимание этого понятия.

Зачастую многие специальные юридические термины имеют значение, которое либо неизвестно простому обывателю, либо расходится с общепринятым использованием термина. Поэтому отсутствие в тексте УПК РФ значения таких понятий, как «подсудность», «подследственность», не является проблемой. Но если в отношении термина или понятия можно сослаться на специфику юридических знаний, образования, то в отношении оценочных понятий формируется совершенно иная ситуация.

В отсутствие единого понимания значения оценочного понятия может возникнуть его двусмысленность, которая, как указывает Конституционный суд РФ, является одним из «врагов» определенности, так как двойное понимание одного и того же понятия может привести к его разным применениям в двух одинаковых ситуациях.

К примеру, в ч. 2 ст. 140 УПК РФ сказано, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных дан-

ных, указывающих на признаки преступления. В данном случае понятие «основания для возбуждения уголовного дела» не раскрыто и не позволяет его в должной мере уяснить, так как оно раскрывается через другое оценочное понятие — «достаточные данные». В юридической литературе неоднократно указывалось, что использование оценочных понятий, которые раскрываются через другие оценочные понятия, в итоге приводит к правовой неопределенности и еще большему субъективизму [7]. Многие ученые обратили внимание на то, что, когда одно оценочное понятие истолковывается посредством другого оценочного понятия, суды испытывают затруднения при решении вопроса об использовании понятия в конкретных отношениях [1]. Применительно к ч. 2 ст. 140 УПК РФ граждане неоднократно жаловались в суды на то, что уголовное дело в отношении них возбуждалось лишь на основании заявления потерпевшего без его фактической проверки. Такие жалобы в большинстве своем оставались без удовлетворения, так как в данном случае речь идет о дискреционных полномочиях следователя (дознавателя) и о возможности их действия по своему усмотрению. Хотя критериев этого усмотрения нет, что и порождает неопределенность данной нормы права.

Вместе с тем невозможно превратить УПК РФ в пошаговую инструкцию и описать все случаи, когда данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления, достаточно, и невозможно охватить все многообразие общественных отношений. В связи с чем законодатель применил верную конструкцию оценочного понятия. Но в то же время он не указал его значения.

По нашему мнению, в подобных случаях преодолеть неопределенность возможно двумя путями: либо путем раскрытия оценочного понятия без использования другого оценочного понятия, либо путем раскрытия последнего оценочного понятия. В последнем случае в УПК РФ возможно указать, что данные могут считаться достаточными лишь в тому случае, если они получены после полной надлежащей проверки всех обстоятельств, изложенных в сообщении о преступлении путем получения объяснений от очевидцев и лица, в отношении которого составлено сообщение о преступлении; назначения экспертиз и исследований,

если вопросы, указанные в сообщении, могут быть разрешены лишь с применением специальных знаний; истребования и анализа документов, подтверждающих доводы, изложенные в сообщении. Уголовное дело не может быть возбуждено на основании одно лишь сообщения о преступлении и объяснения пострадавшего.

Дополнение подобным перечнем в ч. 3 ст. 140 УПК РФ будет ориентировать правоприменителя и контролирующих лиц на необходимость тщательной проверки сообщения о преступлении.

Подобный механизм может быть использован и в других аналогичных ситуациях.

Пределы использования оценочного понятия неясны в тех случаях, когда невозможно определить границы властных полномочий должностного лица, а также не ясно содержание его обязанности.

В качестве примера можно привести ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, в которой указано, что если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Норма права сформулирована императивно и предполагает наличие обязанности у следователя назначить экспертизу при поступлении соответствующего ходатайства.

Однако Верховный суд РФ дает иное толкование данной нормы: «...часть 1.2 ст. 144 УПК РФ не исключает действия других норм уголовно-процессуального закона, которыми установлено, что ходатайство лица, которое его заявляет, а также судебное постановление должны быть обоснованными (ч. 1 ст. 271, ч. 4 ст. 7 УПК РФ), а дополнительная и повторная экспертизы могут быть назначены лишь при наличии оснований, предусмотренных ст. 207 УПК РФ. Следовательно, вопреки доводам жалобы, одно лишь обращение стороны защиты с ходатайством о назначении дополнительной либо повторной экспертиз, при отсутствии оснований для их назначения, предусмотренных ст. 207 УПК РФ, не влечет удовлетворения ходатайства стороны защиты в обязательном порядке. Иной подход, при котором принятие процессуального решения целиком и полностью зависело бы только от формального условия — обращения

стороны защиты с соответствующим ходатайством, противоречил бы также ч. 1 ст. 8 УПК РФ, в силу которой правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом»¹. Не вдаваясь в справедливость данной нормы и ее обоснованность, в целом нельзя не отметить, что ввиду ее неопределенности, отсутствия критериев, которые должны предъявляться к ходатайству стороны защиты, или хотя бы отсылки к ст. 207 УПК РФ, привело к тому, что Верховный суд РФ истолковал законоположение, полностью изменив его вектор направленности.

2. Системность.

По нашему мнению, данное условие является одним из ключевых и определяющих. В зависимости от того, какое место занимает оценочное понятие в структуре закона, в частности, УПК РФ, к его содержанию могут предъявляться требования определенности различной жестокости.

Стоит повторно отметить, что Конституционный суд РФ также обращает внимание на место нормы права в системе закона при оценке ее определенности. Конституционный суд РФ принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции РФ. Конституционный суд РФ принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм. Конституционный суд РФ при принятии решения не связан основаниями и доводами, изложенными в обращении².

¹ Апелляционное определение Верховного суда РФ от 16.06.2015 № 14-АПУ15-3сп.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29.03.2019 № 16-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 21 Федерального закона «О противо-

Этот вывод справедлив, однако для оценочных понятий положение в структуре закона имеет особое значение. Чем более общие положения и чем более широкий круг общественных отношений регулирует норма права, тем более абстрактным может быть ее текст. И, напротив, чем более предметно регулируются общественные отношения, тем более конкретным должно быть содержание закона.

Аналогичные выводы приводили многие ученые. Однако в юридической науке недостаточно внимания уделяется тому, какого типа общественные отношения регулируются конкретной правовой нормой. Для сравнения, нормы, определяющие процессуальное положение, права обвиняемого, имеют диспозитивный характер. Для них допустима достаточно широкая абстракция, так как круг его прав предельно широк и возможности для защиты ограничиваются лишь прямыми запретами, установленными в УПК РФ. Однако регулирование процессуального положения властных субъектов уголовного судопроизводства уже должно иметь большую степень конкретизации.

Примером, по нашему мнению, может служить весьма спорная норма о процессуальной самостоятельности следователя, которая предполагает, что он (следователь) вправе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа. Мы полностью поддерживаем идею о процессуальной самостоятельности следователя, однако полагаем, что норма сформулирована неопределенно ввиду ее чрезмерной абстракции. Несмотря на то, что данное положение закона закреплено в Общей части УПК РФ, столь размытая характеристика самостоятельности не позволяет в полной мере уяснить смысл полномочий следователя, вытекающих из его процессуальной самостоятельности с учетом наличия значительных ограничений его самостоятельности в тексте УПК РФ. О спорности этого положения косвенно свидетельствуют действия терроризму» и части 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданина Е.А. Понкратова».

детельствует и наличие значительного числа научных работ, посвященных процессуальной самостоятельности следователя.

Таким образом, с точки зрения системности необходимо учитывать не только место нормы права в структуре закона, но и специфику института и предмета регулирования.

3. Наличие эффективной системы контроля и обжалования действий лица, совершаемых в условиях усмотрения.

Дискреционные полномочия лица, изложенные путем формулирования оценочного понятия, должны предполагать наличие эффективной системы контроля за принятыми им решениями, основанной на определенных критериях законности этих решений, и последствиях принятия незаконных решений.

По нашему мнению, в настоящее время данная система несовершенна, что приводит к системной неопределенности и невозможности эффективного применения оценочных понятий.

Прежде всего, ранее нами уже указывалось на неопределенности ст. 91 УПК РФ, которая использует конструкцию о праве следователя принять решение о задержании лица при наличии оснований. В результате контролирующие субъекты не могут оценить законность принятого следователем решения при наличии оснований для задержания.

Помимо этого, УПК РФ изобилует отсутствием процессуальных санкций за нарушения участниками уголовного судопроизводства их процессуальных обязанностей.

К примеру, отсутствует ответственность за нарушение 24-часового срока допроса подозреваемого, подвергнутого задержанию; за нарушение 12-часового срока уведомления прокурора о задержании; за нарушение 3-дневного срока рассмотрения ходатайства; и т.д.

Подобные дефекты законодательства приводят к неэффективности правовой нормы. За такие нарушения лицо, его допустившее, может быть привлечено к дисциплинарной ответственности. Но этот вид ответственности находится за рамками уголовного судопроизводства и не оценивается при определении качества проведенного расследования, не сказывается на судьбе лица, чьи права и гарантии были нарушены.

В результате у правоприменителя существенно снижается стимул к соблюдению приведенных правовых предписаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов Е.В.* Случай и непреодолимая сила: проблемы правоприменения и дифференциации // Юрист. 2018. № 3. С. 35–39.
2. *Ильин А.Ю.* Налоговая выгода: понятие, критерии оценки обоснованности и необоснованности // Налоги. 2018. № 1. С. 11–14.
3. *Кашанина Т.В.* Оценочные понятия в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 6.
4. *Киселев О.А.* О видах и классификационных основаниях правовых оценочных понятий // Нотариус. 2015. № 1. С. 41–48.
5. *Кондрашев А.А.* Оценочные понятия в конституционном праве: Проблемы теории правоприменения // Конституционное право и политика: сборник материалов Международной научной конференции, юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 г. / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юрист, 2012. С. 78–79.
6. *Кунашев М.А.* Проблемы соотношения понятия усмотрения следователя со смежными понятиями: «убеждение», «оценочные термины», «целесообразность» // Российский следователь. 2018. № 4. С. 30–34.
7. *Мусаткина А.А., Липинский Д.А.* Об альтернативных поощрительных дисциплинарных санкциях // Власть Закона. 2018. № 3. С. 38–48.
8. *Шапченко С.Д.* Оценочные признаки в составах конкретных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 22.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-13

Ломидзе Ольга Георгиевна,
доктор юридических наук, профессор,
кафедра гражданского и предпринимательского
права Южно-Российского института (филиала)
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70,
e-mail: pismabudut@yandex.ru

Lomidze, Olga G.,
Doctor of Law, Professor,
Department of Civil and Business Law,
South Russian Institute (branch)
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (RANEPА),
70 Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002,
Russian Federation, e-mail: pismabudut@yandex.ru

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИНТЕРЕСОВ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ И ПРИОБРЕТАТЕЛЯ: ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

CONFLICT OF THE INTERESTS OF THE OWNER AND THE AC-QUIRER: INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF CIVIL LAW

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблема столкновения противоположных интересов (потребностей) оборота и необходимость обеспечения паритета таких интересов. Внесение изменений в закон под влиянием соображений защиты одного из противостоящих интересов грозит «разбалансировкой» правового регулирования. Отмечается роль положений законодательства о распределении обязанности по доказыванию и установлению презумпций в расстановке приоритетов. Анализируются проблемы, обусловленные оценкой сделок по продаже чужого имущества как ничтожных. Обосновывается вывод, согласно которому установление (смещение) приоритетов в рассматриваемой сфере проявляет состояние оборота.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интересы (потребности) оборота; столкновение интересов; паритетные начала; распределение обязанностей по доказыванию; отчуждение чужого имущества; эвикция.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ломидзе О.Г. Противостояние интересов правообладателя и приобретателя: влияние на развитие гражданского законодательства // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 80–84. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-13

ABSTRACT. The article discusses the problem of the collision of opposing interests (needs) of the turnover and the need to ensure parity of such interests. Amendments to the law under the influence of the protection of one of the opposing interests threatens to “unbalance” the legal regulation. The role of legislative provisions on the distribution of responsibilities for proving and establishing presumptions in setting priorities is noted. The problems are analyzed due to the assessment of transactions for the sale of another’s property as void. The conclusion is substantiated, according to which the establishment (shift) of priorities in the area under consideration shows a state of turnover.

KEYWORDS: interests (needs) of turnover; collision of interests; parity principles; distribution of responsibilities for proving; alienation of another’s property; eviction.

FOR CITATION:

Lomidze, O.G. Conflict of the interests of the owner and the ac-quirer: influence on the development of civil law. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 80–84 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-13

1. Особенностью гражданского законодательства является взаимонаправленный характер влияющих на его развитие факторов. Очевидна невозможность одновременного обеспечения стабилизации положения правообладателя и неосведомленного о проблемах сделки с имуществом этого правообладателя приобретателя.

Столкновение противоположных интересов (потребностей) оборота, каждая из которых в отдельности заслуживает защиты, обуславливает необходимость норм права, обеспечивающих паритетные начала таких интересов.

Нормы права, которые направлены на расстановку приоритетов, соответствуют точкам столкновения взаимонаправленных интересов оборота. Внесение изменений в закон под влиянием соображений защиты одного из противостоящих интересов грозит «разбалансировкой» правового регулирования.

2. Так, смещение приоритетов в паре «интересы залогодержателя» — «интересы приобретателя» влияет на расстановку в паре «продавец» — «покупатель».

Судебно-арбитражная практика в 2011 г. среагировала на потребность стабилизации положения неосведомленного приобретателя применительно к обращению взыскания на заложенное движимое имущество. Соответствующее толкование было дано в пункте 25 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге». Правомерная неосведомленность приобретателя получила способность блокировать такое свойство залога, как следование за заложенным имуществом. При этом произошло лидирование практической реализации потребности оборота перед соответствующим законодательным закреплением.

Изменения в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК Российской Федерации), в результате которых одним из оснований для прекращения залогового обязательства закреплено возмездное приобретение заложенного имущества лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога (п. 1 ст. 352 Кодекса), внесены только Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ, вступившим в силу с 1 июля 2014 г.

По общему правилу ст. 353 ГК Российской Федерации залог обладает свойством следовать за имуществом при его отчуждении иному лицу.

Вводя исключение из этого общего правила в защиту неосведомленного приобретателя заложенного имущества по возмездной сделке, законодатель одновременно дополнил Кодекс положениями, позволяющими залогодержателю обеспечить доступность информации о залоге для всех заинтересованных лиц — положениями п. 4 ст. 339.1 Кодекса, предусматривающими возможность учета залога движимого имущества путем регистрации уведомлений о залоге в реестре уведомлений о залоге (реестр уведомлений о залоге движимого имущества).

Из соотношения положений ст.ст. 339.1, 353, пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК Российской Федерации следует, что при регистрации уведомления о залоге транспортного средства в реестре уведомлений о залоге до совершения сделки, направленной на отчуждение заложенного имущества, основания для признания приобретателя этого имущества неосведомленным о залоге отсутствуют.

Рассматриваемый пример является примером использования фикции: приобретатель считается осведомленным вне зависимости от его действительной осведомленности.

Вместе с тем положения ГК Российской Федерации об ответственности за эвикцию (п. 1 ст. 461 Кодекса) сформулированы применительно к той редакции Кодекса, в которой залог следовал за имуществом при его отчуждении иному лицу, осведомленность приобретателя на данное свойство залога не влияла, отчуждение влекло переход прав и обязанностей залогодателя на основании закона. Кодекс не закреплял источник информации, наличие которого позволяет применить фикцию осведомленности.

Из положений п. 1 ст. 460, п. 1 ст. 461 ГК Российской Федерации следует, что обязанность по доказыванию обстоятельств осведомленности покупателя о наличии притязаний третьих лиц относительно товара (предмета спора) возложена на продавца.

Та же фикция осведомленности покупателя, которая позволяет отдать приоритет залогодержателю, может быть использована продавцом. Ведь уведомление о залоге зарегистрировано в реестре.

При этом очевидна фактическая (действительная) осведомленность продавца, которая не нуждается в поддержке фикцией, что делает сомнительным решение вопроса в пользу продавца.

Наблюдаем столкновение взаимонаправленных интересов, которое способно вызвать определенный дискомфорт у правоприменителя.

3. В расстановке приоритетов и достижении паритетных начал весомую (иногда главенствующую) роль играют положения законодательства о распределении обязанности по доказыванию и установлению презумпций.

Гражданское законодательство исходит из презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений.

Данная презумпция «сталкивает» общее правило ст. 301 ГК Российской Федерации о защите собственника, чье право нарушено, и общее правило ст. 302 ГК Российской Федерации о защите добросовестного приобретателя вещи по возмездной сделке, выбывшей из владения собственника по его воле.

Конкуренция указанных общих правил повлияла и на толкование положений законодательства Верховным Судом Российской Федерации¹.

При неоднократном отчуждении имущества возложение обязанности по доказыванию недобросовестности приобретателя вещи на собственника, залогодержателя значительно осложняет положение такого лица. Альтернативой является только признание всех сделок прикрывающими сделку по отчуждению вещи последнему ее приобретателю, что также затруднительно по доказыванию.

Для вещей движимых необходимость такого доказывания актуализирует вопрос о наличии

¹ Подразумевается первоначальная редакция пункта 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума ВАС Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (абзац первой) и последующее признание указанного абзаца неподлежащим применению постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (пункт 133). В то же время постановление Пленума № 25 предполагает активное поведение суда, обнаруживающего явную недобросовестность одной из сторон процесса (пункт 1).

в ст. 302 ГК Российской Федерации основания для перехода права собственности к добросовестному приобретателю. Ведь если такого основания в этой статье нет, добросовестное владение остается незаконным.

В споре об обращении взыскания залогодержателем на транспортное средство, которое отчуждено по ряду сделок, от решения указанного вопроса зависит установление обстоятельств, имеющих значение для дела.

Интересам залогодержателя соответствует подход, по которому на предмет добросовестного приобретения следует оценивать последнюю сделку по приобретению заложенного имущества.

Иной подход, требующий установления осведомленности каждого из приобретателей заложенного транспортного средства, в ситуации совершения первой сделки до отражения информации о залоге в реестре уведомлений приведет к признанию приоритета последнего осведомленного приобретателя перед залогодержателем.

Признание такого приоритета соответствует позиции, усматривающей основание отчуждения права в положениях статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако не соответствует общему подходу гражданского законодательства о неосведомленности как основе получения приоритетной защиты.

4. Правообладатель заинтересован в том, чтобы сделка по распоряжению его имуществом неуправомоченным лицом оценивалась как ничтожная.

Контрагент незаконного отчуждателя по сделке — в ее сохранении.

Обязательственное правоотношение, возникающее из заключенного неуправомоченным лицом договора, направленного на отчуждение чужого имущества, представляет собой связь конкретизированных субъектов.

Связь конкретизированных субъектов (продавца и покупателя, cedenta и цессионария, и т.п.) сама по себе не влечет юридических последствий для не участвующих в ней лиц.

Ученые, отстаивающие действительность соглашений, направленных на отчуждение чужого имущества, в том числе купли-продажи чужой вещи, указывают на необходимость различать договор, влекущий обязательственную связь сторон, и распорядительную сделку, в

частности, договор купли-продажи и традицию [1].

В судебной практике преобладающим является противоположный подход, согласно которому договор отчуждения чужой вещи ничтожен. Из недействительности таких сделок исходит и Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 21 апреля 2003 г. № 6-П.

Однако применительно к отчуждению обязательственных прав граница между сделкой, влекущей только обязательственный эффект, и непосредственно передачей права судебной практикой признана.

Принцип разделения обязательственных и распорядительных сделок применен вначале в информационном письме Президиума ВАС Российской Федерации от 30 октября 2007 г. № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» (пункт 1), затем — постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки».

5. Оценка сделок по продаже чужого имущества как ничтожных обуславливает несколько взаимосвязанных проблем. Ведь кроме правообладателя есть еще одно лицо, которое, возможно, нуждается в стабилизации своего положения и защите, — приобретатель имущества.

Наиболее сложной задачей, подлежащей решению для обоснования необходимости оценки как ничтожного договора купли-продажи чужой вещи, является теоретическое осознание ответственности за эвикцию — статья 461 ГК Российской Федерации. Ведь если есть ответственность за неисполнение обязанности из договора — есть и обязанность, за нарушение которой она установлена. Этот довод приводится в обоснование того, что договор не может быть недействительным [2; 3]. Причем, как отмечено выше, применительно к уступке схожий вопрос решен на уровне Пленума Верховного Суда РФ посредством отказа от признания лежащей в основании уступки сделки ничтожной.

Далее, как оценить ситуацию, в которой сам нарушитель чужого права во взаимоотноше-

нии со своим контрагентом (с приобретателем) сошлется на ничтожность сделки? Оценку поведения «сбрасывающей» сделку стороны позволяет дать принцип (правило) эстоппель. Это правило позволяет отказать в защите через констатацию недобросовестных действий (будь то попытка признать договор недействительным или незаключенным, либо отказаться от договора при наличии права на такой отказ — абзац 4 пункта 2, пункт 5 статьи 166, пункт 3 статьи 432, пункт 5 статьи 450.1 ГК Российской Федерации).

И, наконец, еще один вопрос, который не мог не возникнуть в рамках оценки взаимодействия незаконного отчуждателя и его контрагента по сделке — проблема применения специального срока исковой давности, закрепленного в статье 181 Гражданского кодекса Российской Федерации (исчисляемого со дня, когда началось исполнение ничтожной сделки). Для преодоления данной проблемы потребовалось разъяснение на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Соответствующее разъяснение содержит пункт 83 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

6. Какой формулировкой можно выразить нарушение права собственника от самой сделки, направленной на отчуждение его имущества неуправомоченным лицом (безотносительно вопроса владения)?

Реализация соответствующей попытки привела автора к следующим формулировкам: «Произошло вторжение в сферу чужих правовых возможностей ... Демонстрируется открытое неуважение к чужому праву, стремление извлечь для себя имущественные выгоды недолжным путем, за счет нарушения (ущемления) положения надлежащего правообладателя» [4].

Однако при правильном истолковании и применении закона всеми субъектами товарно-денежных и регулятивных отношений попытка такого вторжения и нарушения чужого права успехом не завершится.

Кроме того, правовой эффект сделки, заключенной неуправомоченным лицом, при правильном применении норм материального права может быть устранен впоследствии.

У правообладателя остается такой способ защиты, как восстановление положения, существовавшего до нарушения его права, разновидностью которого является виндикация. Причем именно виндикационный иск для собственника, чье право нарушено отчуждением вещи неуправомоченным лицом, является надлежащим способом защиты (пункт 35 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума ВАС Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

7. Итоговые выводы.

При моделировании и анализе норм права, призванных обеспечить паритетные начала противоположных интересов (потребностей) оборота, а также при внесении в них изменений, следует учитывать предпосылки для предоставления приоритетов той либо иной стороне противостояния в зависимости от конкретных особенностей взаимодействия субъектов.

Установление (смещение) приоритетов в рассматриваемой сфере проявляет состояние оборота.

Так, признавая сделки по продаже чужих вещей ничтожными, практика отдает приоритет

идее необходимости обеспечить стабилизацию положения правообладателя. Такая оценка основана на потребности пресечения опасности негативного развития событий, риска утраты управомоченности титула и самого права. Можно предположить, что данная потребность свидетельствует об определенной неустойчивости оборота. Возможно, достижению паритетных начал соответствует решение, позволяющее игнорировать распорядительный эффект взаимодействия сторон такого договора (или иначе — игнорировать эффект распорядительной сделки), но признавать обязательственный эффект соответствующего взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007 (СПС «Консультант-Плюс»).
2. Тузов Д.О. Отчуждение имущества неуправомоченным лицом: вопросы юридической квалификации договора // Законодательство. 2003. № 6. С. 19.
3. Тузов Д.О. Продажа чужой вещи и проблема защиты добросовестного приобретателя в российском гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 2. С. 12.
4. Ломидзе О.Г. О правовой оценке договора, заключенного неуправомоченным лицом // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 5. С. 4–18.

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-14

Лукьянцев Александр Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры гражданского права,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88

Lukyantsev, Alexander A.,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of the Higher School,
Professor, Department of Civil Law,
Faculty of Law, Southern Federal University,
of the Russian Federation,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation

О ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

IMPROVEMENT ISSUES MODERN RUSSIAN CIVIL LAW

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблемам цивилистического совершенствования современного российского гражданского законодательства и его соотношению с предпринимательским правом как Российской Федерации, так и других стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданское право; предпринимательское право; кодификация законодательства, цивилистический подход.

ABSTRACT. The scientific article is devoted to the problems of civilistic improvement of modern Russian civil legislation and its relationship with business law as the Russian Federation and other countries.

KEYWORDS: civil law; business law; codification of legislation; civilistic approach.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Лукьянцев А.А. О проблемах совершенствования современного российского гражданского законодательства // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 85–91. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-14

FOR CITATION:

Lukyantsev, A.A. Improvement issues modern Russian civil law. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 85–91 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-14

Наш новый Гражданский кодекс РФ по своей цивилистической конструкции построен исключительно на концепции частного права, чему и была посвящена проведенная 29 октября 2019 г. в ЮФУ Международная научно-практическая конференция «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики», участником которой являлся и автор настоящей публикации [7].

Как весьма справедливо оценил состояние нашего современного гражданского законодательства доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия Анатолий Яковлевич Рыженков, «современное гражданское право продолжает всячески контролировать идею автономии воли, провозглашает принятие равенства и конструирует гражданский оборот как свободный добровольный обмен, который пронизывается государственным контролем, когда “горизонтальные” принципы свободы договора и беспрепятственного осуществления гражданских прав соседствуют с “вертикальным” принципом судебной защиты, а свобода установления своих прав и обязанностей дополняется возможностью ограничения этих прав государством в интересах конституционного строя, нравственности, здоровья и т.п. (п. 2 чт. 1 ГК РФ) [9].

Новый Гражданский кодекс Российской Федерации, насчитывающий более 1500 статей, вступивший в силу после ожесточенных дискуссий: в 1995 г. — первая часть, в 1996 г. — вторая часть, в 1999 г. — часть третья, в 2006 г. — часть четвертая, построенный по системе частного права, в отличие от двух ранее действующих в России гражданских кодексов 1922 и 1964 гг., построенных по системе публичного права, создан по системе модернизации права при соблюдении баланса между властью, рыночными ценностями, собственностью и социальной справедливостью.

Вносившиеся при обсуждении нового ГК РФ предложения принять наряду с ним также еще и «Предпринимательский» (или «Хозяйственный кодекс») не были восприняты, так как в условиях перехода России к рыночным отношениям, охватывающим все сферы экономики, эта деятельность достаточно отражена в новом ГК и может дополняться с учетом ее специфики изданием дополнительных законов.

Что касается предмета регулирования гражданских правоотношений в РФ, то предпринимательское право, скорее всего, является отраслью законодательства, в которую включены нормы гражданского и административного права.

Убедительной, на наш взгляд, является оценка корифея нашей юриспруденции профессора Е.А. Суханова, не признающего предпринимательское право как самостоятельную отрасль права в настоящее время и считающего, что признание предпринимательского права отраслью является пережитком существования хозяйственного права в советское время, когда категорически отвергалось деление права на частное и публичное, и что хозяйственное право возникло в связи с таким опровержением деления [3].

В настоящее время деление права на частное и публичное приобретает свой качественный оттенок, когда частное право призвано удовлетворять частные интересы, а публичное — общественные. При этом в условиях современной экономики частные интересы, как правило, резко противостоят публичным, именно поэтому важна сбалансированность систем частного (гражданского) и публичного права, а не отрицание их существования.

На это обстоятельство аргументированно ссылались наши известные цивилисты В.П. Камышанский и В.Е. Карнушин в монографическом исследовании содержания гражданских правоотношений, указав, что предпринимательское право — это скорее отрасль законодательства, в которую включены нормы гражданского и административного права [4].

Нельзя обойти вниманием озвученную в юридической науке теорию, согласно которой допускается возможность существования и комплексных отраслей права для того, чтобы создать возможность для развития той или иной отрасли законодательства. Так, например, профессор С.С. Алексеев писал о возможности существования комплексных отраслей права, которые носят переходный характер, и что им не присущ собственный метод и механизм регулирования — как, например, в сфере отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, где предпринимательское право является самостоятельной отраслью частного права наряду с гражданским [1].

На наш взгляд, невозможно согласиться с признанием существования комплексных отраслей, где не может быть достигнуто единство метода правового регулирования.

«Благосклонно ли вы отнесетесь к необходимости дальнейшего совершенствования гражданского законодательства?» — часто спрашивают у меня как у цивилиста. Другого ответа, кроме утвердительного, от меня услышать невозможно. Я бы привел известный афоризм Бернарда Шоу: «Каждый человек должен знать законы; если он знает их достаточно, чтобы не попадаться к ним в лапы, из него получается неплохой адвокат». Теперь ближе к вопросу.

Иначе как бурным развитие гражданского законодательства в современных условиях не назовешь. Ведь нынешний (третий по счету в стране) Гражданский кодекс, состоящий из четырех частей, по своему объему втрое превышает своего однотоминого предшественника — ГК 1964 г.

Как очень метко заметил профессор Л.В. Щенникова, что только в единстве частных и публичных интересов, их гармоничном сочетании гражданско-правовое регулирование может обеспечить свое основное предназначение — обеспечить на деле поступательное развитие в нашей стране нормальных экономических отношений [13].

Необычайно приветственными являются активные дискуссии, нацеленные на модернизацию нашего современного гражданского законодательства, проводимые на кафедрах гражданского права и процесса Калмыцкого и Южного федеральных университетов, направленные на поддержку создаваемой единой пирамиды структурного построения судебной власти в стране.

Построенный по системе частного права в отличие от двух ранее действующих в России гражданских кодексов 1922 и 1964 гг., построенных по системе публичного права, нынешний кодекс создан по системе модернизации права при соблюдении баланса между властью, рыночными ценностями, собственностью и социальной справедливостью.

Целесообразность разработки и принятия наряду с Гражданским еще и «Предпринимательского» (или «Хозяйственного» кодексов) активно обсуждалась не только в России, но и в других странах СНГ, но реализована эта идея

была лишь на Украине, где оба кодекса были приняты Верховной Радой Украины 23 января 2004 г. При этом нельзя не привести доводов цивилистов о недостаточной эффективности «Хозяйственного кодекса Украины», в состав которого входят 418 статей, которые не выявили каких-либо преимуществ модернизации хозяйственного законодательства страны [6].

Что касается предмета регулирования гражданских правоотношений в РФ, то предпринимательское право является структурной частью его Гражданского кодекса, определяющим особенности участия в рыночном обороте граждан-предпринимателей, корпоративных и унитарных юридических лиц [12].

Сейчас в сфере экономических отношений возможность господства частного права приводит к тому, что инициатива не сковывается, экономические отношения развиваются интенсивнее, хотя, конечно, одномоментно устранить недостатки нельзя.

Конечно, публичный интерес должен присутствовать и в гражданском праве, но растворенным в нем через систему институтов, пределов и правил.

Передав объекты общенародной собственности в частную собственность (например, корпорации «Русал», «Роснефть», «Газпром» и др.), государство не ввело параллельно механизм защиты публичных интересов, защиты социальных прав граждан. Только за последние годы у нас появились новоиспеченные миллиардеры на базе крупного бизнеса: О.В. Дерипаска, В.О. Потанин, Р.А. Абрамович, получившие миллиардные прибыли. Разве здесь не ущемляется публичный интерес? Хотя бы тем, что колоссальные прибыли и миллиардные доходы облагаются такими же налоговыми ставками (13 процентов), как заработки любого работника, уборщицы, грузчика, доцента, предпринимателя малого бизнеса, которые обретают этот заработок своим физическим или умственным трудом.

Почему бы государству не вводить прогрессивный налог на такие сверхкрупные доходы? Ведь в этом и кроется публичный интерес в сфере частного бизнеса, получившего в собственности объекты общенародной собственности.

Значительные изменения предлагается внести в части 1, 3, 4 ГК и в некоторые главы части

2 ГК (в так называемые «финансовые сделки»). После ожесточения споров не повышается минимальная величина уставного капитала для ООО — сохраняется ее прежний минимум в 10 тыс. руб., что, на наш взгляд, будет способствовать более широкому привлечению к участию в предпринимательских отношениях среднеобеспеченных инициативных граждан нашей страны, которые, к тому же, получают возможность заключения таких корпоративных договоров, как акционерные соглашения.

Нельзя не отметить обоснованную динамику реализации некоторых положений Концепции дальнейшего развития гражданского законодательства РФ, касающихся правового статуса и видов юридических лиц, поскольку внесена значительная корректировка главы IV первой части ГК, посвященной юридическим лицам. Так, теперь в ГК подробно перечислены все юрлица, которые могут быть образованы в нашей стране, определен их статус и даны полностью организационно-правовые формы их деятельности, в которых они могут существовать — в виде коммерческих организаций (с общей правоспособностью) и некоммерческих (со специальной правоспособностью), унитарных (где имеется руководство) и корпоративных (где управление осуществляется коллективно — общее собрание, правление и т.п.), установлены две формы акционерных обществ: публичные и непубличные, что ведет, кстати, к упразднению закрытого акционерного общества (ЗАО) и дополнительного общества.

Хотелось бы отметить, что далеко не все предложения о внесении изменений в действующий Гражданский кодекс воспринимаются беспрекословно цивилистами, и порой для их узаконения приходится прибегать даже к помощи руководителей государства, и в особенности там, где это затрагивает не только частные, но и публичные интересы.

Примером вышесказанного может служить ожесточенная дискуссия вокруг содержания и самого понятия НКО (некоммерческих организаций), где оппозиции пытались ввести в их состав «иностранных агентов», которые могли бы заниматься и неконтролируемой политической деятельностью с непрозрачным финансированием НКО. Понятно, что такой подход породил бы возможность бесконтрольного проведения на территории нашей страны все-

возможных антиполитических митингов и демонстраций, вносящих непредсказуемые последствия в общественное сознание.

И как нельзя более удачным и своевременным вмешательством в эту дискуссию явилось выступление нашего Президента Владимира Владимировича Путина на заседании Комитета по делам общественных объединений при рассмотрении поправок к закону о деятельности НКО.

В.В. Путин обоснованно предложил сделать деятельность «иностранных агентов» по участию и финансированию НКО, которые занимаются политической деятельностью на территории России, прозрачной для гражданского контроля.

Причем в этом президентском заключении было отмечено, что к политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, соцподдержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты животного и растительного мира, благотворительная деятельность. Действие закона не должно также распространяться на религиозные организации, госкорпорации и на создаваемые госкорпорациями НКО. По инициативе В.В. Путина при этом увеличено собственное финансирование НКО в 3 раза, то есть с 1 миллиарда до 3 миллиардов рублей.

Такая значительная корректировка правового статуса и видов юридических лиц, внесенных Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99 ФЗ в наш Гражданский кодекс, позволит привлекать более широкий круг лиц к дополнительной ответственности (согласно ст 53. ГК РФ), опираясь на принципы зависимости и аффилированности. Раньше же их (директора, управляющие компании, акционеры, аффилированные лица и т.д.) можно было привлекать к дополнительной (субсидиарной) ответственности лишь в случае банкротства общества.

Не менее значимой является в этом плане и другая новелла, внесенная принятым в декабре 2016 г. пакетом поправок в Закон о банкротстве, вступающий в силу в течение этого года.

Теперь любой кредитор, участвовавший в деле о банкротстве, посчитав, что его права и интересы нарушены, может обратиться с заяв-

лением о привлечении к субсидиарной ответственности конкретного гражданина, который раньше был акционером, учредителем или директором ранее ликвидированной организации [8; 10].

Появление основных новелл нашего ныне действующего гражданского кодекса с упоением воспринимается не только участниками (субъектами) этих правоотношений, но и юристами их применяющими.

Иначе как бурным развитие нашего российского гражданского законодательства в современных условиях не назовешь. Освоить весь заложенный в нем потенциал в условиях нашей современной российской рыночной экономики непросто, но это и необходимо, ибо, по меткому определению нашего древнего философа-корифея Луция Сенеки, «нет юриста без цивилиста».

В поддержку этого определения не могу не привести утверждение нашего современного мыслителя-правоведа П.В. Крашенинникова — Главы Комитета ГД РФ по законодательству: «Те, кто познает право или, как автор этих строк, посвятил свою жизнь служению праву, не могут не задаваться вопросами: а что собственно есть право? И откуда оно появилось?» [5].

Гражданское право является ядром частного — всех юридических норм, которые охраняют и регулируют отношения частных лиц. Принципиальный антипод частного права — публичное. Оно отвечает за общие интересы, и его нормы закрепляют порядок деятельности органов государственной власти и управления.

В идеале гражданское законодательство должно создавать в стране такие условия, при которых частные потребности граждан максимально удовлетворены и экономические отношения нормально развиваются. Мировая история показывает, что наиболее совершенными были гражданские кодексы, построенные на императиве частного права. Прекрасный пример — свод гражданских прав Франции, или знаменитый Кодекс Наполеона. Он был принят в 1804 г. и действует с незначительными изменениями по сей день.

Это самый стабильный гражданский кодекс мира, который работает более двухсот лет! Весьма удачным является также немецкий опыт — Германское гражданское уложение 1896 г., основанное на римском частном праве

(его эпитафия: «Через римское право, но превзойдя его»).

В нашей стране слишком коротким был период признания частного права и слишком долго длилась вездесущая власть права публично-го. До революции частное право признавалось всего лишь в течение полувека: с 60-х годов XIX века до начала 20-х прошлого столетия. После того была воплощена в жизнь установка Ленина: «... Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйствования есть публично-правовое, а не частное». Так, вся частная жизнь попала под пяту публичной (государственной) власти, а частная инициатива во всех вопросах была парализована. Это и закрепил первый Гражданский кодекс РСФСР 1922 г.

В результате советская экономика развивалась по системе публичного права. К чему это привело, мы все хорошо знаем: страна неуклонно отставала в экономическом развитии. Это стало заметным в 1964 г., когда Советский Союз опередила даже Малайзия. Именно тогда отечественные юристы и подняли вопрос о том, чтобы строить Гражданский кодекс по системе частного права. Конечно, публичный интерес должен присутствовать и в гражданском праве, но растворенным в нем через систему институтов пределов и правил.

Введение прогрессивного налога на полученную за счет приватизированных объектов общенародной собственности прибыль будет отвечать реализации долгожданной мечты рядовых российских граждан.

Так, в опубликованном международном докладе о жизни богачей мира наши впереди планеты всей: с состоянием не менее 50 миллионов долларов — 2620 россиян, с состоянием не менее 500 миллионов — 220 человек, а долларовых миллиардеров — 102. Причем число богачей прибывает в РФ рекордными темпами — только за 2017 год их стало больше на 27 %.

Кроме того, и число небанковских депозитов граждан России за рубежом составляет 34,4 млрд долларов. А еще мы уверенно опережаем богачей и по количеству яхт: российским гражданам принадлежат 168 крупных яхт (средней длины 59 метров и водоизмещением 1328 тонн).

В этой ситуации, на наш взгляд, власть необоснованно отвергает требования общества и независимых экономистов вместо плоской шкалы взимания подоходного налога (по 13 %

и с обычного работника, и с олигарха) [11] ввести прогрессивную, чтобы богатые платили по 20, 30, а то и 40 % от доходов. То, что на недавней встрече со студентами университета им Г.В. Плеханова вице-премьер Аркадий Дворкович не исключил в ближайшем будущем повышения налога на доходы физических лиц с сегодняшних 13 до 15 %, не отвечает самому смыслу прогрессивности такого налога [2].

Не менее значимой является в этом плане и другая новелла, внесенная принятым в декабре 2016 г. пакетом поправок в Закон о банкротстве, вступавшем в силу в течение этого года.

Теперь любой кредитор, участвовавший в деле о банкротстве, посчитав, что его права и интересы нарушены, может обратиться с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности конкретного гражданина, который раньше был акционером, учредителем или директором ранее ликвидированной организации [8; 10].

Весьма похвальной модернизацией способов защиты гражданских прав является расширение нотариальных возможностей контролировать законность заключаемых сторонами сделок. Так, переход долей от одного хозяина к другому лицу теперь надо оформлять только через нотариуса, ибо согласно новому законодательству все сделки по отчуждению долей в недвижимом имуществе подлежат нотариальному удостоверению, что перекроет лазейки для мошенников, пытающихся переоформить их, минуя нотариуса.

Удачным новшеством является и другой престиж нотариальной деятельности, касающийся правил возврата проблемных долгов банкам. Если раньше за взыскание долгов банки обращались в суд, то теперь им достаточно получить исполнительную подпись у нотариуса, которая приравнивается к исполнительному листу, а такая нотариальная процедура займет гораздо меньше времени, чем судебная тяжба, и дело должника сразу переходит к судебным приставам.

Приветственной новеллой для улучшения процедуры защиты граждан, пострадавших в сфере предпринимательской деятельности, является вступивший в силу с 1 января 2017 г. Федеральный Закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности», который предписывает отныне взыскивать долги только через значительно

модернизированные фирмы, занимающиеся коллекторской деятельностью, которая сегодня поставлена под контроль службы судебных приставов.

Так, по закону, отныне коллектор имеет право приходить к должнику не чаще раза в неделю, звонить — не чаще раза в сутки, двух раз в неделю и восьми раз в месяц, причем такие звонки разрешены с 8:00–22:00 в будние дни, с 9:00–22:00 в выходные дни. При этом такое общение должно проходить без физического или психического давления или угроз.

Кроме того, коллекторская компания, претендующая на входение в реестр, чтобы официально работать на этом рынке, должна иметь не менее 10 млн рублей собственного капитала и застраховать свою собственность на такую же сумму.

Для реализации кардинальных изменений нашего материального гражданского права требуется совершенствование и соответствующих процессуальных форм их защиты, ибо, согласно определению классиков, «право есть ничто без эффективного построения норм защиты этого права». И созданные нами нормы не будут по-настоящему действенными, если не устранить ключевых несовершенств судебной системы. Главное из них — отсутствие единой пирамиды судебной власти.

Исходя из этих соображений в нашей стране началась приветственная реформа судоустройства, инициированная Президентом и поддержанная Федеральным Собранием с созданием единой пирамиды судебной власти с присоединением Высшего арбитражного суда к Верховному суду РФ, а новый Верховный суд РФ объявлен высшим судебным органом в том числе и по экономическим спорам (новая редакция статьи 126 Конституции РФ).

Продолженное Верховным судом приветственное переустройство судебной системы с созданием в России 5 специальных апелляционных и 9 кассационных судов общей юрисдикции, на наш взгляд, избавит суды от коррупционной зависимости судей внутри собственной местнической демократии.

Полагаю возможным завершить изложенные нами соображения дословным цитированием п. 3 ст. 1 нового Гражданского кодекса РФ: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражд-

данских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С.С.* Сборник сочинений. В 10 т. Т. 3. Проблемы теории права. М.: Статут. 210. С. 140–141.
2. *Воробьев А.* Мир новостей. № 14 за 27 марта 2018 г. С. 2.
3. Гражданское право в 4 томах: учебник. 3-е изд., перераб и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. Том 1, Общая часть / В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев и др.; отв. ред. Е.А. Суханов; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 2008. С. 61.
4. *Камышанский В.П., Карнушин В.Е.* Гражданское правоотношение: Социально-психологический аспект. М.: Статут, 2016. С. 13–14.
5. *Крашенинников П.* Времена и право. М.: Статут, 2016. 6 с.
6. *Кузнецова Н.С.* Систематизация предпринимательского (хозяйственного) законодательства: опыт, проблемы, перспективы // Гражданское право и современность: Сборник статей, посвященных памяти М.Н. Брагинского. М.: Статус, 2013. С. 81–97.
7. *Лукьянцев А.А.* О вопросах дальнейшего совершенствования нашего гражданского законодательства // Сборник докладов Международной научно-практической конференции ЮФУ от 29 октября 2019 г. С. 219–222.
8. *Ножкин М.* Общество с безграничной ответственностью // Версия. 13–19 февраля 2017 г. С. 14.
9. *Рыженков А.Я.* Введение в философию гражданского права: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 168.
10. *Сигида А.* Банкротство привилегия элиты // Мир новостей. 21 февраля 2017 г.
11. *Сигида А.* Российские богачи заткнули всех за пояс // Мир новостей. № 12. 13 марта 2018 года. С. 11.
12. *Суханов Е.А.* Корпоративное право. Понятие и виды корпораций в зарубежном и российском праве // Хозяйство и право. 2013. № 4. С. 3–23.
13. *Щенникова Л.В.* Публичный интерес в гражданском праве // Цивилистические записки Кубанского государственного университета. Краснодар, 2012. С. 19.

УДК 34

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-15

Ерёмина Светлана Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
процессуального и трудового права,
юридический факультет, Южный
федеральный университет, 344007, г. Ростов-
на-Дону, ул. М. Горького, д. 88
e-mail: sneremina@bk.ru

Eremina, Svetlana N.,
PhD in Law, Associate Professor,
Chair of Civil Procedural Law and Labour Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation,
e-mail: sneremina@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА В РФ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ОТДЕЛЬНЫХ НОРМ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

PROBLEMS OF REGULATION OF REMUNERATION IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE ANALYSIS OF CERTAIN NORMS OF THE CURRENT LEGISLATION

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена проблемным вопросам правового регулирования оплаты труда на основе Трудового кодекса России. В ней автор останавливается на анализе правовых норм, устанавливающих минимальный размер оплаты труда (МРОТ), прожиточный минимум, который должен отражать уровень социальной защиты лиц, находящихся в трудовых отношениях и других ключевых моментах и проблемах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Конституция РФ; Трудовой кодекс РФ; минимальный размер оплаты труда; прожиточный минимум; структура заработной платы; стимулирующие выплаты.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ерёмина С.Н. Проблемы регулирования оплаты труда в РФ в контексте анализа отдельных норм действующего законодательства // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 92–96. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-15

ABSTRACT. This article is devoted to problematic issues of legal regulation of remuneration based on the labor Code of Russia. In it, the author dwells on the analysis of legal norms establishing a minimum wage (VW), a living wage, which should reflect the level of social protection of people in labor relations and other key points and problems

KEYWORDS: Constitution of the Russian Federation; Labour Code of the Russian Federation; minimum wage; poverty line; wage structure; incentive payments.

FOR CITATION:

Eremina, S. N. Problems of regulation of remuneration in the Russian Federation in the context of the analysis of certain norms of the current legislation. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 92–96 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-15

Российская Конституция включает общую норму, касающуюся вопросов формирования в РФ заработной платы, которая служит фундаментом для установления правил регулирования важнейших отношений в данной сфере, и прежде всего, на уровне ТК РФ [13]. Она содержится в двух статьях Конституции РФ: ст. 7 и ст. 37 (ч. 3). Тем самым действующая Конституция РФ [5] провозглашает наше государство в качестве социального, где должны быть обеспечены достойная жизнь и свободное развитие человека. Она определяет так называемый социальный стандарт в виде минимального показателя заработной платы (МРОТ), который гарантируется всем гражданам России при нахождении их в трудовых отношениях.

Как отмечают экономисты, оплата труда любого работника имеет место не в момент его найма, а только после затраты данным работником соответствующего количества труда. При этом в момент заключения трудового договора заработная плата отражает только предварительную меру цены труда. И согласно теории прибавочной стоимости работодатель оплачивает работнику только часть его труда, а другая часть присваивается им в виде прибыли. Более того, размер заработной платы должен зависеть от квалификации и профессионализма работника. Поэтому квалифицированный труд должен оплачиваться выше, чем малоквалифицированный. А по всем законам экономики — рост заработной платы наемных работников и ее индексация увеличивают их покупательный спрос и стимулируют развитие экономики [7, с. 14].

Считается бесспорным, что государство только тогда сможет достигнуть обеспечения комфортной жизни своего населения, когда в полной мере будут увеличены объемы и темпы валового национального продукта. Хотя, как указывают отдельные экономисты, убеждение о разделении экономики и социальной сферы породило вывод: «сначала уменьшение затрат для достижения экономической эффективности, а затем повышение зарплаты и реализация принципа социальной справедливости... Экономическая эффективность первична по отношению к качеству жизни населения... Эффективность экономики является не только средством для социального развития, но и

результатом качества социальных отношений между людьми... Однако государственное замораживание заработной платы, дешевизна труда в России привели к тому, что в структуре доходов уменьшилась доля заработной платы и увеличилась доля предпринимательских доходов, концентрирующихся у достаточно небольшой группы граждан» [7, с. 14–15].

И как эта ситуация отражается на нормах действующего законодательства нашей страны? Как отмечалось выше, фундаментом правового регулирования отношений, связанных с заработной платой работников, служит Конституция РФ.

Попробуем остановиться на отдельных проблемах, которые отражают недостатки действующего трудового законодательства и, следовательно, препятствуют достижению целей национальной безопасности России:

1. Трудовое право кардинально отличается от права гражданского, в рамках которого имеет место правовое регулирование результатов трудовой деятельности [8; 12], и устанавливает определенный социальный стандарт. Этот социальный стандарт в том числе устанавливает минимальный размер оплаты труда (МРОТ) любого работника при выполнении им соответствующих норм труда. На сегодняшний день он составляет 11 280 руб. в мес. [14]. При этом около 19 млн человек в РФ (12,9 % населения) имеют доходы ниже прожиточного минимума¹, т.е. ниже, чем 11 185 руб. в мес. [11]. Особенно опасно, когда в такие слои населения входят работающие граждане. Низкооплачиваемые работники из-за невысокого уровня своей материальной защищенности всегда будут питательной средой для всякого рода экстремистских настроений в обществе, увеличивать количество граждан, недовольных условиями жизни, и т.п. А значит — безопасность государства будет под угрозой.

2. Все это нельзя рассматривать отдельно от отраслевого принципа трудового законодательства (ст. 2 ТК РФ), который развивает и детализирует положения ч. 1 ст. 7 Конституции РФ. Так, каждому работнику за его труд должна быть предоставлена своевременная и в полном объеме выплата *справедливой заработной платы* (здесь и далее курсив автора. – С.Е.),

¹ Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 04.09.2019).

которая позволит ему и его семье достойно существовать и которая не может быть меньше установленного федеральным законом МРОТ. Буквальное толкование указанной нормы позволяет нам сделать вывод о том, что справедливая и достойная заработная плата каждого работника, как минимум, составляет соответствующий размер МРОТ.

Поэтому, по нашему мнению, требуют осмысления следующие понятийные категории: «прожиточный минимум», «достойное существование» и «справедливая заработная плата».

Прожиточный минимум согласно ст. 1 ФЗ от 24.10.1997 № 134-ФЗ представляет собой стоимостное выражение показателей как потребительской корзины, так и расходов по обязательным платежам и сборам¹. При этом, в соответствии с п. п. 11 и 13 «Правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по РФ» [10], расходы по обязательным платежам и сборам для исчисления прожиточного минимума определяются *только для трудоспособного населения*. Кроме того, в составе этих расходов учитывается лишь величина налога на доходы физических лиц, а все иные обязательные платежи и сборы не берутся во внимание (!). Хотя они составляют значительную часть расходов трудоспособного населения. В частности, коммунальные платежи, земельный налог, платежи на капитальный ремонт и т.п. Поэтому нельзя согласиться с тем, что в таком виде — сумма, которая рассчитывается по специальным правилам как прожиточный минимум, — реально представляет собой денежные средства, которые позволяют человеку достойно существовать в РФ и свободно развиваться. И возникает закономерный вопрос: а что, пенсионеры у нас полностью освобождены от налогообложения и обязательных платежей? Нет, но показатель прожиточного минимума у них ниже, чем для трудоспособного населения, что также не может свидетельствовать о справедливости социальных стандартов в РФ.

Фактически, прожиточный минимум — это своеобразный социальный ориентир, который гарантирует человеку *право на жизнь*, поскольку стоимостное его выражение позволяет ему,

¹ Первоначальный текст опубликован: СЗ РФ.1997. № 43. Ст. 4904.

по сути, поддерживать свою жизнеспособность, не более того. Иными словами, это «граница», ниже которой жизнеспособность человека можно поставить под сомнение².

Следовательно, МРОТ фактически «балансирует» на грани прожиточного минимума и не может считаться справедливым размером оплаты труда, обеспечивающим достойную жизнь человеку труда.

В связи с этим представляется следующая «картина»: МРОТ в нашей стране соотносится с прожиточным минимумом трудоспособного населения — фактически «трудоактивного», поскольку трудоспособный гражданин может и не работать по различным причинам, в том числе и не зависящим от его воли (например, отсутствие возможности трудоустроиться или в силу положений Конституции РФ, не обязывающей всех без исключения работать в отличие от предыдущей Конституции СССР 1977 г., предписывающей обязанность добросовестно трудиться и не уклоняться от общественно полезного труда (ст. 60 Конституции СССР)) [6].

В правовом регулировании оплаты труда определенным образом прослеживается преемственность отечественного законодательства, которое в этом вопросе основывается на показателе прожиточного минимума (см.: ст. 58 КЗоТ РСФСР 2018 г. [3]; ст. 59 КЗоТ РСФСР 1922 г. [2]). Примечательно, что КЗоТ РФ 1971 г. [4] отказался от соотнесения МРОТ с прожиточным минимумом, к которому возвратился современный законодатель в ст. 133 ТК РФ.

Нам подход законодателя в контексте установленного законом соотношения МРОТ с прожиточным минимумом представляется упрощенным (ч. 1 ст. 133 и ст. 421 ТК РФ) и не отвечающим условиям современной жизни.

1. Имеет смысл обратиться и к структуре заработной платы, которая определена ч. 1 ст. 129 ТК РФ. Она включает: само вознаграждение за труд (основная часть) в виде оклада, тарифной ставки и т.д., и дополнительных частей — компенсационных и стимулирующих выплат. К сожалению, законодатель в ходе изменений

² Все, кто пытался это проверить, не выдерживали существование в таком режиме. См., напр.: http://www.foodnewstime.ru/week_news/yuo_know_whot/mozhno-li-prozhit-na-mrot.html; <http://hobana.ru/blog/43847928155/Kak-chinovnik-radi-eksperimenta-mesyats-zhil-na-MROT> и др. (дата обращения: 31.08.2019).

ТК РФ в 2006 г.¹ пошел по пути отказа от *не-включения* в показатель МРОТ дополнительных частей заработной платы. Это позволяет констатировать снижение материального воплощения социального стандарта для лиц, чья заработная плата не превышает МРОТ. Дело в том, что до 2006 г. МРОТ не включал такие элементы заработной платы, как компенсационные и стимулирующие выплаты (см.: ч. 1 ст. 129 ТК РФ). Следовательно, именно с 2006 г. МРОТ стал их включать, что одномоментно снизило уровень жизни работников, получающих минимальную заработную плату.

Как отмечалось в юридической литературе, справедливость, которая воплощается в норму права, выступает в качестве масштаба соизмерения действия людей. Поэтому в справедливости сконцентрировано отношение общества к праву [1]. И не удивительно, что, по данным ВЦИОМ, граждане нашей страны уже более 25 лет отмечают рост числа бедного населения, и эта проблема до сих пор является актуальной. При этом бедными россияне считают тех, кому едва хватает средств на еду и одежду. По их мнению, этот показатель составляет 15 506 руб. в месяц².

2. Следует также обратить внимание на такой элемент заработной платы, как стимулирующие выплаты. Ни для кого не секрет, что зачастую на практике размер стимулирующих выплат отдельным работникам значительно превышает размер вознаграждения за труд в составе их заработной платы (как правило, это касается работников, относящихся к числу лиц с административно-управленческими функциями). Иногда эти суммы составляют 80 % и более к должностному окладу, а иногда и 100–200 %, что служит определенным дестабилизирующим фактором в сфере регулирования платы труда. Более того, такие выплаты часто формально определяются нормами локальных нормативных актов об оплате труда, но фактически начисляются в порядке ст. 191 ТК РФ, т.е. на основе личной оценки труда данной категории работников. И такая практика обусловлена

непосредственно нормами ТК РФ. В частности, ч. 1 ст. 131 ТК РФ, согласно которой заработная плата работника максимальным размером не ограничивается³. Полагаем, что нельзя считать соответствующим трудовому законодательству и Конституции РФ тот факт, когда стимулирующая часть заработной платы превышает собственно вознаграждение за труд. Ведь по логике вещей дополнительные части заработной платы не могут «подменять» вознаграждение за труд.

Это приводит к выводу, что в раздел VI «Оплата труда» ТК РФ необходимо включить норму, по которой даже самая высокая стимулирующая выплата не могла бы превышать определенных пределов. Например, составлять не более 30–40 % тарифной ставки (оклада работника). Суть подобных изменений обусловлена тем, что основная часть заработной платы должна реально соответствовать содержанию ч. 1 ст. 129 ТК РФ, где дается легальное определение понятия «заработная плата». Более того, это устранил имеющийся дисбаланс в оплате труда на практике, где посредством высоких стимулирующих выплат нивелируется суть вознаграждения за труд.

О том, что в настоящее время действительно существует проблема в сфере понимания структуры заработной платы и ее элементов, свидетельствует и такой пример: со дня вступления в силу ФЗ «Об образовании в РФ» [15] в оклады (должностные оклады) по должностям научно-педагогических работников образовательных организаций высшего образования включаются размеры надбавок за ученые степени и по должностям, а также размер ежемесячной денежной компенсации на обеспечение книгоиздательской продукцией и периодическими изданиями, которые действовали до дня вступления его в силу (подп. 11 п. 5 ст. 108). В связи с этим:

а) непонятно, почему стимулирующие и компенсационные выплаты «попали» в основную часть заработной платы и как это соответствует ч. 1 ст. 129 ТК РФ?

б) это служит «искусственному» снижению размеров заработной платы (окладов (долж-

¹ Первоначально по ТК РФ в состав МРОТ включались не только оклады и тарифные ставки, но и другие составные элементы (до 01.09.2007). См.: Первоначальную редакцию ТК РФ.

² См.: данные официального сайта ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 13.09.2018).

³ Исключение из этого правила распространяются на отдельные категории руководящих работников согласно ст. 145 ТК РФ (например, руководителей государственных внебюджетных фондов и др.).

ностных окладов)) работников высшей школы, что констатируется даже в «Отраслевом соглашении по организациям, находящимся в ведении Минобрнауки РФ, на 2018–2020 годы» (п. 5.2.2)¹. Там указано, что *возможно* наличие дифференциации окладов в зависимости от наличия ученых степеней и званий. Поэтому можно и не учитывать в размерах основной части заработной платы наличие ученой степени и звания для педагогических работников вузов. На практике это служит основанием для искусственного уравнивания размеров заработной платы педагогических работников вузов без учета их квалификации, что в свою очередь нарушает требования ч. 1 ст. 132 ТК РФ.

Следовательно, можно констатировать, что фундаментальные положения Конституции РФ еще не в достаточной степени реализованы в действующем трудовом законодательстве, что в свою очередь требует дальнейшего его приведения в соответствие с конституционными нормами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баиева Н.А., Прокопенко И.Ю. Право работника на справедливую заработную плату в контексте реализации общеправового принципа справедливости // Вестник СевКавГТИ. 2013. № 15. С. 57–60.
2. Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г. Утратил юридическую силу // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
3. Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. Утратил юридическую силу // СУ РСФСР. 1918. № 87–88. Ст. 905.
4. Кодекс законов о труде РФ 1971 г. Утратил юридическую силу в связи с принятием ТК РФ // Первоначальный текст опубликован: Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.
5. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Конституция СССР. Принята ВС СССР 07.10.1977. Утратила юридическую силу // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
7. Кочетов А.Н., Журавлёв А.Л. Цена труда как фактор национальной безопасности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 13–18.
8. Орлова Е. Подмена трудового договора гражданско-правовым: причины, разграничения, последствия для работодателя и работника // Налоговый вестник — Консультации. Разъяснения. Мнения. 2018. № 7. С. 27–40.
9. Отраслевое соглашение по организациям, находящимся в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации, на 2018–2020 годы // Официальный сайт Минтруда России (утв. Минобрнауки России, Профсоюзом работников народного образования и науки РФ 06.12.2017) [Электронный ресурс] // URL: www.rosmintrud.ru.
10. Правила исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по РФ, утв. постановлением Правительства РФ от 29.01.2013 № 56 (ред. от 06.12.2013) // Первоначальный текст опубликован: СЗ РФ. 2013. № 5. Ст. 397.
11. Приказ Минтруда России от 09.08.2019 № 561н «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за II квартал 2019 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
12. Тарусина Н.Н., Лушников А.М., Лушникова М.В. Социальные договоры в праве: монография. М.: Проспект, 2017. 480 с.
13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Первоначальный текст опубликован: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3 // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>.
14. ФЗ от 25.12.2018 № 481-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8407.
15. ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации» // Первоначальный текст опубликован: СЗ РФ. 2012. № 53 (часть 1). Ст. 7598.

¹ СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.08.2019).

УДК 34

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-16

Зубарева Ольга Григорьевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского
права ФГБОУ ВПО Южно-Российского
института управления — филиала РАНХиГС
при Президенте РФ, 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 70,
e-mail: zybareva@yandex.ru

Zubareva, Olga G.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil and Entrepreneurial
rights, South Russian Institute of Management —
Branch of RANEPa under the President of the
Russian Federation, 70, Pushkinskaya St.,
344002, Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: zybareva@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО НА ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ (ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ)

INFLUENCE OF THE INTERESTS OF A MINOR ON THE PROCEDURE FOR CONSIDERING FAMILY DISPUTES (APPLICATION OF THE MEDIATION PROCEDURE)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу положений статей Семейного кодекса РФ, судебной практики и положений нового — Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ в части влияния интересов несовершеннолетнего на порядок рассмотрения семейных споров. Термин «интерес» употребляется часто, преимущественно в значении термина «юридически значимый интерес». Критерии соблюдения интересов ребенка в законодательстве и в судебной практике отсутствуют. Разрешение спора о детях не может быть эффективным, а вынесенное решение исполнимым без достижения родителями соглашения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интересы несовершеннолетнего; семейные споры; судебная практика; процедура медиации.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Зубарева О.Г. Влияние интересов несовершеннолетнего на порядок рассмотрения семейных споров (применение процедуры медиации) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 97–100. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-16

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of the provisions of the articles of the Family Code, judicial practice and the provisions of the new Federal Law of July 26, 2019 No. 197-FZ regarding the influence of the interests of a minor on the procedure for considering family disputes. The term “interest” is used often, mainly in the meaning of the term “legally significant interest”. There are no criteria for observing the interests of the child in the legislation and in judicial practice. The resolution of the dispute about children cannot be effective, and the decision made is enforceable without the parents reaching an agreement.

KEYWORDS: interests of a minor; family disputes; judicial practice; mediation procedure.

FOR CITATION:

Zubareva, O.G. Influence of the interests of a minor on the procedure for considering family disputes (application of the mediation procedure). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 97–100 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-16

Категория «интерес» с давних пор являлась объектом исследования. Так, И. Кант через «интерес» отличал человека от животного, говоря об интересе как о волевом факторе. В зависимости от предмета можно различать материальные и духовные, всеобщие и частные, научные и духовные интересы. Во второй половине XIX века теорию интереса предложил Р. Иеринг. Он не только связал субъективное право с материальной и экономической пользой, но и показал, что духовная и моральная составляющая имеет не меньшее значение. Ю.Ф. Беспалов рассматривает интерес ребенка как надлежащее условие его воспитания и создание условий реализации его прав [1]. О.Ю. Ильина предлагает следующее определение: «Интересы ребенка — это субъективно обусловленная потребность ребенка в благоприятных условиях его существования, находящая объективное выражение в реализации родителями своих прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством» [2]. Е.А. Крашенинников определяет законный интерес (охраняемый законом интерес) через получение его носителем субъективного права как средства его (интереса) удовлетворения [3].

В Семейном кодексе РФ (далее — СК РФ) термин «интерес» употребляется особенно часто, преимущественно в значении термина «юридически значимый интерес». При этом законодатель не раскрывает значение этого термина ни применительно к членам семьи, ни к несовершеннолетним.

Судебная практика единообразного подхода также не выработала. Разрешая соответствующие категории споров, суды по-разному трактуют интересы детей. Определенным ориентиром для судов служат положения п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 8 от 20.04.2006: «Под интересами детей при усыновлении следует понимать создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития» [6]. После попыток поиска баланса интересов сторон, предложенных Пленумом ВС РФ в своих постановлениях № 16 от 16.05.2017 [7], № 44 от 14.11.2017 [8], №56 от 26.12.2017 [9], — поиск приемлемых моделей взаимоотношений продолжается.

Конвенция о правах ребенка предписывает, что всегда при решении вопросов любыми

органами и организациями первоочередное внимание должно быть уделено наилучшему обеспечению интересов ребенка [4]. Пункт 5.1 Пекинских правил определяет точку отсчета, вокруг которой должна двигаться вся система правосудия в отношении несовершеннолетних — это обеспечение благополучия несовершеннолетнего; судебное разбирательство должно осуществляться в атмосфере понимания (ст. 14.2 Правил); при рассмотрении дела несовершеннолетнего вопрос о его или ее благополучии должен служить определяющим фактором (пп. «d» п. 17.1 Правил) [5].

Порядка двадцати дел можно насчитать в СК РФ, которые рассматриваются судами по различным основаниям и с различными предметами споров, но в защиту интересов детей. Сюда можно отнести: установление отцовства, разрешение разногласий между родителями о воспитании и месте жительства несовершеннолетних детей, осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, устранение препятствий к общению ребенка с родственниками и т.д.

Таким образом, споры о детях и в их интересах занимают особое место и имеют высокое социальное значение среди прочих семейных споров. Большая процентная составляющая среди прочих дел, равно как и сложный характер получения и исследования доказательств, вызывает необходимость поиска новых способов повышения эффективности судебного разбирательства. Повышение эффективности — это значит максимальное удовлетворение в таких делах интересов детей.

Сегодня правоприменительной практике известно несколько приемов учета таких интересов. Одним из них является использование процессуальных правил (механизмов) в материальном законе — Семейном кодексе РФ. Ярким примером являются положения статьи 24 СК РФ, в соответствии с которой суд обязан по своей инициативе определить, с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода, а также с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты, если супруги не представили суду соглашение по этим вопросам, либо если оно нарушает интересы несовершеннолетних.

Еще одним способом является использование специальных психологических знаний для

ответа на вопросы в делах, где суду надлежит установить, будет ли отвечать интересам ребенка то или иное действие (определение места проживания с тем или иным родителем, лишение родительских прав, отмена усыновления). К сожалению, критерии соблюдения интересов ребенка в законодательстве отсутствуют. Поэтому, во-первых, заключения эксперта-психолога как нейтрального источника, содержащего доказательств по делу, как минимум явно недостаточно. Во-вторых, значительная доля судебного усмотрения, основанная на собственном субъективном жизненном опыте и взглядах судьи, отрицательно влияет на определяемый круг вопросов для эксперта и на оценку заключения эксперта при принятии решения.

Еще один прием — учет мнения ребенка по ст. 57 СК РФ. Но практически беспроигрышный результат достигается только с применением третьего предложения данной статьи, где в семи статьях дан исчерпывающий перечень случаев, в которых мнению несовершеннолетнего придается юридическое значение. Во всех остальных случаях оно только учитывается. Ситуация усугубляется еще и тем, что дети вовлекаются спорящими родителями в конфликт, тем самым развивая и углубляя его, что губительно влияет на психику ребенка.

Перечисленные способы повышения эффективности судебного разбирательства не дают сегодня максимального эффекта. В целом, как показывает практика, разрешение спора о детях не может быть эффективным, а вынесенное решение исполнимым без достижения родителями соглашения по его существу.

Именно на решение этой задачи и направлена медиация. Хотелось бы отметить положительные результаты медиации в отдельных зарубежных законодательствах Бельгии, Швеции, где предусмотрен особый вид медиации — судебная медиация, которая является частью процедуры разрешения семейного спора.

Поэтому нормы вступающего в силу 25.10.2019 Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ, направленные на развитие института медиации, могут стать, по нашему мнению, еще одним законодательным механизмом, способствующим повышению качества рассмотрения дел указанной категории.

Основные новеллы закона следующие: для заключения мирового соглашения можно бу-

дет обращаться не только к медиаторам, но и к судьям в отставке. Если стороны удостоверят медиативное соглашение у нотариуса, то в случае его неисполнения можно будет не подавать иск в суд. Такое медиативное соглашение автоматически станет исполнительным документом, который можно подать приставам. В случае заключения мирового соглашения, отказа от иска или признания иска ответчиком истец сможет вернуть часть госпошлины: от 30 до 70 %, в зависимости от того, на какой стадии стороны по иску пришли к соглашению.

Считаем, что принятые новеллы своевременны и актуальны по следующим причинам:

1. В основе многих семейно-правовых споров лежит завуалированный интерес родителей на общение с ребенком. Данный интерес не проявляется в виде самостоятельного предмета спора, а выглядит как, например, иск о разделе имущества супругов, предъявляемый одним из родителей к другому, мешающему общению с ребенком. Излишне говорить, что такое общение тоже в интересах несовершеннолетнего. Грамотное применение медиации позволит выявить настоящий интерес участников процесса.

2. Противодействие представителей сторон (либо одной из них) в заключении мирового соглашения в семейно-правовых спорах. В основе личные амбициозные или корыстные основания. Грамотное применение медиации позволит выявить настоящий интерес участников процесса.

3. Незрелость институтов согласительных (примирительных) процедур, в рамках которых возможны выявление действительной воли участников процесса и достижение взаимовыгодных результатов.

После вступления в силу Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ принимаемые судом усилия по примирению будут носить характер обязательных процедур, на которые суд будет обращать внимание участников процесса. Внесенные законодателем изменения в статьи 133, 147 ГПК РФ, а также дополнение его главой 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение» позволят использовать возможности установления истинных интересов несовершеннолетнего в гражданском процессе.

Если стороны не воспользовались предусмотренной возможностью — не заключили медиативное соглашение у нотариуса и подали

иск в суд, то именно суд, согласно ст. 153.1 ГПК РФ, становится органом, принимающим меры к примирению сторон. Согласно ст. 153.2 ГПК РФ, «примирительная процедура может быть проведена по ходатайству сторон или по предложению суда». Суд предлагает обратиться к судебному примирителю, выносит определение о проведении примирительной процедуры и при необходимости об отложении судебного разбирательства.

Считаем, необходимо говорить об обязательной процедуре по указанной категории дел. В отличие от судебного разбирательства, в результате которого победившим оказывается один из спорящих родителей, процедура медиации позволяет сделать «выигравшим» в споре именно ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалов Ю.Ф. Некоторые вопросы реализации семейных прав ребенка (теория и практика). Владимир, 2001. С. 12.
2. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М., 2007. С. 21.
3. Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 132.
4. Конвенция о правах ребенка // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955. Конвенция одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990.
5. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты на 96 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29.11.1985 Резолюцией 40/33 // Советская юстиция. 1991. № 12–14.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // БВС РФ. 2006. № 6.
7. Постановление Пленума Верховного Суда № 16 от 16.05.2017 «О применении судами законодательств при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // БВС РФ. 2017. № 7.
8. Постановление Пленума Верховного Суда № 44 от 14.11.2017 «О практике применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «Консультант Плюс».
9. Постановление Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «Консультант Плюс».

Серегин Андрей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства
и права, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького,
д. 88, e-mail: andrei-seregin@rambler.ru

Seregin, Andrei V.,
PhD in Law, Assistant Professor,
Chair of Theory and History of State and Law,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation,
e-mail: andrei-seregin@rambler.ru

ВОЗРОЖДЕНИЕ БРАКА *SINE MANU* И *CONCUBINATUS* В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ XX–XXI ВВ.: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

THE REVIVAL OF MARRIAGE *SINE MANU* AND *CONCUBINATUS* IN FAMILY LAW XX–XXI CENTURIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается современный феномен возрождения в семейном праве институтов древнеримского частного права: *sine manu* и *concubinatus*. Автор предлагает с учетом реально складывающихся матримониальных отношений узаконить в России фактические брачные отношения по модели Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. Вместе с тем, следуя сохраняющимся взглядам российского общества, однополые сожительства не должны получать юридического признания, порождающего правовые последствия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семейное право; брак; римское частное право; сожительство; семья.

ABSTRACT. The article deals with the modern phenomenon of revival in family law institutions of ancient Roman private law: *sine manu* and *concubinatus*. The author proposes taking into account the actual matrimonial relations to legalize in Russia the actual marriage relations on the model of the Code of laws on marriage, family and guardianship RSFSR1926. at the Same time, following the remaining views of Russian society, same-sex cohabitation should not receive legal recognition, generating legal consequences..

KEYWORDS: family law; marriage; Roman private law; cohabitation; family.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Серегин А.В. Возрождение брака *sine manu* и *concubinatus* в семейном праве XX–XXI вв.: сравнительно-правовой анализ // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 101–104. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-17

FOR CITATION:

Seregin, A.V. The revival of marriage *sine manu* and *concubinatus* in family law XX–XXI centuries: comparative legal analysis. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 101–104 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-17

Способности к развитию, процветанию, гуманизации, политическому рывку во многом обусловлены семейным строем, эволюционно выработанным любым историческим народом, создавшим великую государственность, культуру и цивилизацию. «Семейственные отношения, — справедливо пишет К.П. Победоносцев, — составляют основной элемент общественных, государственных отношений и сохраняют это свойство навсегда» [10].

В процессе социального развития в семейном праве Древнего Рима сформировались две формы моногамного брака: 1) архаическая, патриархальная *cum manu* (с наложением руки, т.е. с властью мужа над женой), и 2) либеральная, упрощенная *sine manu* (без наложения руки, т.е. без установления власти мужа над женой) [11, с. 127]. Для того, чтобы за давностью владения (*usus*), брак *sine manu* автоматически не перешел в брак *cum manu*, ст. 4 VI таблицы квирицкого Закона XII таблиц предписывала необходимость разрыва женой непрерывного проживания с мужем, путем отсутствия в доме супруга три ночи подряд в течение одного года [6, с. 8]. В классический период развития римского частного права (17 г. до н.э. – 235 г. н.э.) брак *sine manu* практически вытеснил патриархальную форму брака *cum manu* [3, с. 117]. Наряду с этим в Римской империи юридически допускалось внебрачное сожитие мужчины и женщины в целях удовлетворения полового инстинкта, не порождающее правовых последствий брака — конкубинат [от лат. *concupinatus*; греч. *παλλάκεια*, *παλλακισμός*, *παλλακή*, *ἄγραφος γάμος* — совместное возлежание на ложе]. В Западной Европе конкубинат просуществовал до XII в., а в Византии был отменен в правление императора Льва VI Мудрого (886–912 гг.) [1, с. 81–82].

По прошествии 18 столетий маятник исторического развития вновь качнулся в сторону разложения традиционного религиозного христианского брака с фактическим возвратом к свободным и равным гендерным семейным отношениям брака *sine manu*. Современная система ценностных ориентаций вместо почитания родителей провозглашает эгоистические права детей, вместо примата отцовского права устанавливает привилегии для женщины в воспитании детей и т.д. [15, с. 13]. Эта ситуа-

ция характерна не только для романо-германской и англо-американской правовой системы (западной юридической конгломерации), но и славянских государств начала XX — начала XXI вв. [14]. Либерализация и феменизация семейных отношений [8, с. 3] привели в мире к разрушению крепости семейных отношений, увеличению случаев незарегистрированного сожительства, а также количества детей, рожденных вне брака.

Коэффициент разводов в Российской Федерации на одну тысячу человек с 2004 по 2017 г. не опускается ниже «4,2» — это означает, что более 40 % браков распадаются (в 1950 г. — «0,5», в 1960 г. — «1,5», в 1970 г. — «3») [5, с. 5]. В России каждый третий ребенок в 2010 г. рождается вне брака, что находится в общем русле цивилизационного разложения крепости и ценности традиционных семейных отношений. В 1960 г. в США у незамужних женщин рождалось примерно 5 % детей, то в 1980 г. эта цифра достигла 18 %, а в 2009 г. 41 %. Теми же темпами наблюдался рост процентов фактических браков в Европе: по данным Евростата, в 2011 г. 37,3 % всех родов в 27 странах ЕС были внебрачными, причем в ряде стран вне брака родилось уже большинство детей: в Исландии — 64,3, в Эстонии — 57,7, в Словении — 56,8, в Болгарии — 56, в Норвегии — 55, в Швеции — 54,2 и во Франции — 55 % [9, с. 15–16]. Формальная католическая религиозность населения Латинской Америки не является гарантией от внебрачного сожительства. По данным ООН, в 1998 г. доля детей, рожденных вне брака, в Мексике составляла 41,5 %, в Чили — 43,6, в Пуэрто-Рико — 45,8, в Коста-Рике — 48,2, в Аргентине — 52,7, в Белизе — 58,1, в Сальвадоре — 73, в Панаме — 80 % [9, с. 16].

Особо стоит отметить, что именно Советская Россия (в период с 1926 по 1944 г.) первая в мире не только либерализовала семейные отношения настолько, что признала равенство прав супругов, но и фактически восстановила *concupinatus*, признав фактическое сожитие мужчины и женщины порождающими семейные отношения, так же, как и в зарегистрированном браке в органах ЗАГС, включая имущественные и алиментные обязательства (ст.ст. 10–11 Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР от 19 ноября 1926 г.) [7].

Затем в СССР и РСФСР в 1944 г. отказались от признания фактического сожительства в качестве равноценного по юридической силе зарегистрированному браку [2, с. 4], а в Европе, напротив, не только восприняли советский опыт, но и расширили его, признав юридические права для сожительства однополых пар. В Российской Федерации однополые браки не допускаются (ст.ст. 1 и 12 СК РФ 1995 г.) [12].

Жан Мулэн Лион III, директор Центра семейного права Гюго Фульширон подразделяет современные внебрачные союзы на:

– свободные союзы, или конкубинат (free unions, concubinage);

– законные внебрачные союзы (legal unions, statutory concubinage, cohabitation legale) за исключением случаев, когда в соответствующих законах используется другой термин [18].

Согласно ст. 578/G Гражданского кодекса Венгрии «фактические сожители (конкубины) — это мужчина и женщина, живущие вместе под одной крышей в эмоциональной и экономической общности» [18].

В Италии признали *coppie di fatto* (фактические союзы), влекущие определенные правовые последствия. В Исландии свободный внебрачный союз *ovig simbu* (внебрачное сожительство) обозначает двух лиц разного пола, ведущих совместное хозяйство и поддерживающих отношения, сходные с отношениями супругов [4, с. 44].

При оформлении испанского *pareja de hecho* необходимо соблюдение ряда условий (по аналогии с браком):

– заинтересованные лица должны быть совершеннолетними;

– сожители не должны состоять ни в браке, ни в *pareja de hecho*;

– сожители должны быть дееспособными;

– должны отсутствовать прямые родственные связи (включая усыновленных), не допускается инцест [16, с. 45].

Примечательно, но аналогично древнеримскому праву, сложившемуся в отношении правила перехода брака *sine manu in cum manu* за давностью владения (*usus*), в Испании фактический перерыв в сожительстве на срок более одного года [16, с. 56].

Исходя из того, что на основании Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» под семьей следует понимать лиц, свя-

занных родством и (или) свойством, совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство [17], в рамках теории юридического полиюридизма [13] в качестве неполноценного брака (конкубината), порождающего наследственные и алиментные обязательства в отечественном семейном праве следует признать фактическое сожительство мужчины и женщины — квази-брачными семейными отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартошек М. Римское право: (Понятие, термины, определения) / пер. с чешск. М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.

2. Вартамян М.О. Фактические супружеские отношения в решениях Европейского Суда по правам человека и российской судебной практике // Семейное право и жилищное право. 2017. № 2. С. 3–5.

3. Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для юридических вузов и факультетов / под общ. ред. члена-корреспондента Российской Академии наук, доктора юридических наук, профессора В.С. Нерсисянца. 2-е изд., изм. и доп. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 199. 784 с.

4. Ерохина Е.В. Европейское семейное право: учебник. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. 240 с.

5. Жилыева С.К., Жилыева А.А. Реформирование семейного законодательства как неотъемлемая часть государственной семейной политики по укреплению института семьи и брака // Семейное и жилищное право. 2017. № 5. С. 4–7.

6. Законы XII таблиц // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.

7. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР от 19 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

8. Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.

9. Паничкин В.Б., Паничкин Е.В. Предпосылки и способы институционализации сожительства в брак в российском праве // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 15–18.

10. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. Классика российского права [Электронный ресурс] // URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/16/> (дата обращения 01.12.2019).

11. Римское частное право: учебник / под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М.: Юристъ, 1997. 544 с.

12. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения 01.12.2019).

13. Серегин А.В. Полиюридизм семейного права: национальные и международно-правовые перспективы //

- Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей: проблемы межотраслевого взаимодействия семейного и иных отраслей частного и публичного права в области семейных отношений и прав детей. Международные (универсальные, региональные) и национальные институты / под общ. реда. А.Е. Тарасовой. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 364–371.
14. *Серегин А.В.* Компаративистский анализ конституционных основ семейного права современных славянских государств // Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей. Сборник статей по итогам V международной научно-практической конференции / под ред. А.Е. Тарасовой. М.: Русайнс, 2019. С. 139–144.
15. *Ситкова О.Ю.* Реализация права на семейную жизнь и его защита в Европейском суде по правам человека // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 12–15.
16. *Трофимец И.А.* Особенности правового регулирования брачных отношений в Королевстве Испания: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 136 с.
17. Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.
18. *Fulchiron Hugues.* Reflexions sur les unions hors mariage en droit international prive // Journal de Droit International 4, 2000. P. 889–895.

УДК 343.3/.7

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-18

Кокорев Владимир Геннадьевич,
ассистент кафедры уголовного права
и процесса Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина,
392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная,
д. 33, e-mail: pochta735@mail.ru

Kokorev, Vladimir G.,
Assistant Professor, Chair of Criminal Law
and Procedure, Derzhavin Tambov
State University,
33 Internatsionalnaya St., Tambov,
392000, Russian Federation,
e-mail: pochta735@mail.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРИЧИНЯЮЩИМ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА, В ПЕРИОД ДРЕВНЕЙ РУСИ

BIRTH AND DEVELOPMENT OF COUNTERACTION TO CRIMES CAUSING HARM TO HUMAN HEALTH IN THE PERIOD OF ANCIENT RUSSIA

АННОТАЦИЯ. В статье акцентируется внимание на особенностях противодействия деяниям, причиняющим вред здоровью человека по Договорам с Византией 911 и 944 г., Краткой и Пространной редакции Русской Правды и Краткой и Пространной редакции Устава князя Ярослава о церковных судах, а также подробно указываются обстоятельства принятия данных законов, их значимость для отечественного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вред здоровью; опасность для жизни или здоровья; не опасное для жизни или здоровья; преступления против здоровья; уголовная ответственность.

ABSTRACT. The article focuses on the peculiarities of countering acts that cause harm to human health under the Treaties with Byzantium 911 and 944, the Short and Long Edition of the Russian Truth and the Short and Long Edition of the Charter of Prince Jarar on Church Courts, as well as details the circumstances of the adoption of these laws, their significance for domestic law.

KEYWORDS: harm to health; danger to life or health; not dangerous to life or health; crimes against health; criminal liability.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кокорев В.Г. Зарождение и развитие противодействия преступлениям, причиняющим вред здоровью человека, в период Древней Руси // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 105–110. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-18

FOR CITATION:

Kokorev, V.G. Birth and development of counteraction to crimes causing harm to human health in the period of Ancient Russia. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 105–110 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-18

Рассмотрение зарождения и развития норм, направленных на охрану телесной неприкосновенности личности в праве Древней Руси, обусловлено тем, что позволит определить появление ответственности в отечественном праве за причинение вреда здоровью человеку, а также выявить историческую правопреемственность в действующих статьях УК РФ (ст.ст. 111–118 УК РФ [18]), содержащих данную охрану личности. На это же обстоятельство в рамках своих тем исследования указывают многие ученые-криминалисты [12; 21].

Особенность данного исторического периода заключается в том, что именно в X — первой половине XI в. на территории Древней Руси с учетом складывающейся государственности и после приглашения на княжение Рюрика в конце IX в. (по сложившейся точке зрения) начинают приниматься вместо обычных норм (когда обычай в зависимости от определенного исторического периода подстраивался к регулированию тех или иных общественных отношений между людьми) письменные законы. Вместе с тем, по исследованию А.А. Данилова и И.А. Галимова, на Руси всегда существовали законы, в том числе и до прихода Рюрика [2, с. 69], санкционированные верховной властью. Поэтому в период становления любого государства, как показывает история, появляется письменное право — как одно из атрибутов государственной власти. В немалой степени данное обстоятельство вызвано закрепить новую систему правовых отношений и регламентировать жизнь общества, но с опорой на имеющиеся обычаи.

Да начала XI в. русское право было устным и именовалось «Законом русским», отраженным в текстах русско-византийских договоров X в.

По мнению М.Б. Свердлова, Закон Русский в IX — начале XI в. отражал переход от родоплеменного к раннефеодальному строю [17, с. 70]. И именно Закон Русский дал название правовой системе Древнерусского государства второй половины IX в. — первой половины X в. и имел основополагающее значение при формирование норм совместных договоров с Византией в X в. [17, с. 72–73].

Вместе с тем признано, что первым законодательным актом Древней Руси была «Русская Правда», которая по факту являлась отечественным межотраслевым нормативным

правовым актом, отражающим феодальное право, где указывался ряд норм по регулированию различных общественных отношений, регулирующих в настоящее время гражданское и уголовное, а также процессуальное законодательство.

Но до нее в 911 и 944 гг. были приняты договоры с Византией, в которых акцентировалось внимание на охране здоровья человека, представляющей собой частный интерес, наказание за вред которому полагалось по типу «око» за «око», так как отвечал потерпевший применением подобного же насилия к виновному лицу [цит. по: 20, с. 11].

Однако при рассмотрении норм этих Договоров, в частности 911 г., мы видим, что в них отражалась ответственность в виде штрафа за причинение вреда здоровью потерпевшему за удар его мечом или иным орудием [3].

Договор 944 г. содержал подобную ответственность за совершение этого же деяния [16].

В силу чего данные договоры охраняли телесную неприкосновенность потерпевшего от преступного посягательства, выражающегося в причинении вреда здоровью с помощью определенного предмета, и для виновного лица следовала ответственность не по типу «око за око», а штраф.

В целом эти Договоры имели существенное значение с позиции развития нашего отечественного законодательства. Они способствовали разрешению различных отношений, например, торговых, международных, уголовных, гражданских и т.п. именно с позиции норм права [4, с. 101].

По исследованию Т.К. Овчинниковой, эти договоры («Закон») у русичей обозначали конкретные нормы, регулирующие поведение сторон и защищенные системой штрафов. Именно в подобном значении они именуется под общим названием «Закон русский». После 988 г. понятием «закон» стали называть и нравственно-этические нормы, в силу чего в XI–XIII вв. слово «закон» вытеснялся из словарного обихода и заменялся на термин «правда» [10, с. 111, 113].

Затем в истории российского государства была принята «Русская Правда». И.В. Попов говорит, что она является памятником громадного исторического значения, так как ее положения действовали не одно десятилетие.

Именно она установила особенности регламентации уголовной ответственности за совершение определенных преступлений, руководство при судебных разбирательствах и т.д. Поэтому именно этот Закон является фундаментом права Древней Руси и послужил развитию дальнейшего отечественного законодательства [13, с. 32].

А.А. Цуцкарева, Е.Б. Калашникова считают, что «Правда» — это, в первую очередь, правовые нормы, в соответствии с которыми осуществлялось судопроизводство. Поэтому у данных авторов есть предположение, которое в принципе является логичным, что на основе именно данного термина были образованы такие выражения, как «судить право» или «судить в правду».

В основе «Русской Правды» были заложены положения обычного права, встречающиеся в судебной практике, Священном Писании. Также на создание «Русской Правды» оказало влияние византийское каноническое право [22, с. 358].

«Правда» воспринималась обществом как часть высшей справедливости — Божественного закона, принятого и основанного по воле Бога, которая была передана с помощью помазанника божьего — князя.

Но при этом, по мнению Б.А. Осипян, в разработке и принятии «Правды» принимали участие и ученые-монахи греческого происхождения. Тем самым первыми разработчиками правовых норм стали юристы в священнических рясах.

Непосредственно церковь оказывала влияние в той или иной степени на принятие светских законов до прихода к власти большевиков [11, с. 651–652, 656–657].

Вместе с тем «Правда», известная в нескольких редакциях, будет проанализирована нами в настоящей работе в своей «Краткой» и «Пространной» редакциях.

Следует отметить, что «Краткая Русская Правда» появилась в период становления феодализма в Древнерусском государстве и во многом повлияла на его дальнейшее развитие. При этом «Краткая Правда» в основе своей является сборным нормативным актом, но ее части связаны между собой, и в целом это единый закон эпохи феодализма, который зафиксировал в себе ее основополагающие чер-

ты. «Краткая Правда» в немалой степени была детерминантом развития феодальных отношений и укрепления государственной целостной и княжеской власти [23, с. 56–57].

«Краткая редакция» датируется первой половиной XI века. Она непосредственно связана с именами Ярослава Мудрого и его сыновей. «Краткая Правда» состояла из «Правды Ярослава» (ст. 1–18), «Правды Ярославичей» (ст. 19–41), «Покона Вирного» (ст. 42) и «Урока мостников» (ст. 43) [22, с. 358]. Именно в ней продолжается противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью человека.

Так, ст. 2 закрепляла ответственность за привлечение виновного к ответственности при наличии у потерпевшего кровоподтека либо гематомы, либо наличия свидетеля, говорившего, что по отношению к потерпевшему было применено физическое насилие.

Через «поле» доказывалась причастность обидчика к совершенному деянию, а в случае, если потерпевший в силу своего физического состояния не мог принять участие в «поле», то дело рассматривал княжеский суд. Эта статья также отражает взыскание с ответчика три гривны на лечение потерпевшего, т.е. оплата лекарю за оказанные им услуги.

В ст. 3. акцентируется внимание на предмете, с помощью которого преступником были совершены побои потерпевшего: батоги, тупая сторона острога орудия, жердь и т. д. При этом в данной статье, как и в предыдущей, не говорится о степени причиненного вреда здоровью потерпевшего. Важно не само избивание потерпевшего, а нанесение ему обиды в результате этих действий. Поэтому ответный удар должен был следовать сразу же после оскорбления. Как правило, квалификация по данной статье происходила в случае совершения этого деяния в период трапез, пиров и т.п.

Если потерпевший сразу не мог отомстить, то с виновного взыскивалось 12 гривен.

Ст. 4 говорит об ударе мечом в ножнах, что также причиняет вред здоровью потерпевшего.

Со ст. 5 по 7 регламентировалась ответственность за утрачивание функций конечностей потерпевшего: травма руки, ноги и пальца. За палец назначался штраф в три гривны.

За утрачивание пользования рукой, которое расценивалось как лишение жизни, виновный подлежал штрафу в размере 40 гривен, что

по «Краткой Редакции» равнялось штрафу за убийство.

В ст. 9 говорилось о нанесение раны мечом.

Ст. 10 отражала ответственность за побои, при этом для доказательства того, что произошло именно это деяние, необходимо было привести на суд не менее двух свидетелей. «А если будет варяг либо колбяг, то роту» [6, с. 47–49].

Итак, можно сказать, что данная редакция «Правды» дифференцировала ответственность в зависимости от тяжести вреда здоровью потерпевшего и предметов, используемых виновным лицом в период совершения подобных деяний. А также она отражала необходимость в некоторых случаях предоставить свидетеля(ей), чтобы заверить, что, действительно, имело место совершение преступления, сопряженного с причинением вреда здоровью потерпевшего.

В последующем, после 1113 г., была принята «Пространная редакция Русской Правды», которая включала в себя «Суд Ярослава» (ст. 1–52) и «Устав Владимира Мономаха (ст. 53–121)» [22, с. 358].

В ней также отражалась ответственность за причинение вреда здоровью человека. Но именно в этой редакции — в отличие от предыдущей — большинство деяний расценивалось именно как причинение вреда здоровью человека, а не как обида.

Так, ст. 28 предусматривала ответственность за причинение вреда здоровью человека в процессе драки.

Ст. 30 удар мечом расценивала именно как причинение телесного повреждения.

Ст. 31 удар жердью также рассматривала не как оскорбление, а как побои.

Ст. 27 предусматривала перечень наступивших последствий в силу причинения вреда здоровью потерпевшего, в частности за утрату конечностей, их функций, а также за повреждение глаза.

Вместе с тем ст. 25 расценивала ответственность за удар подручным предметом, но не как деяние, а как оскорбление.

Также имеет место расширение перечня анализируемых нами деяний, в частности в ст. 68 отражалась ответственность за утрату зуба в результате удара по лицу, но это также расценивалось не как членовредительство, а как оскорбление [15, с. 64–73].

Таким образом, Пространная редакция Правды расширила перечень анализируемых нами деяний, а также некоторые из них, которые в настоящее время расцениваются как причиняющие вред здоровью потерпевшего, стали относиться именно к подобным деяниям, а не к оскорблению виновным потерпевшего.

При этом следует отметить, что согласно системе преступлений и наказаний по данному историческому законодательному акту, предложенной А.К. Логвиновой, непосредственно отдельным видом уголовно-наказуемых деяний выделились преступления против личной неприкосновенности.

Первую группу из них составляли преступления легкой тяжести: ушибы, ссадины, кровоподтеки и т.п.

Во вторую группу входило нанесение равных ран, в том числе с использованием острых предметов — эти деяния можно отнести к причинению вреда средней тяжести.

Третью группу представляли собой членовредительские преступления, например, отсечение конечностей, повреждение (до слепоты) глаз. Именно эти преступления следует отнести к тяжким и особо тяжким [8, с. 49] либо, как в настоящее время определено в УК РФ, данные последствия относятся к причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшего [18].

В свою очередь, как замечают в своем исследовании В.Е. Лоба и С.Н. Малахов, охрана телесной неприкосновенности по «Русской Правде» распространялась только на лиц, не относящихся к холопам. С субъективной стороны преступления против здоровья характеризовались умышленной формой вины и разграничивались по степени повреждения (например, оставались ли следы на потерпевшем от удара его виновным лицом либо нет). Субъектом этих преступлений было лицо, обладающее свободной волей (как житель Руси, так и иностранец), являющееся вменяемым и достигшим семи лет [7, с. 120, 123]. По исследованию А.Н. Федоровой, женщина не являлась субъектом преступления. В случае, если она совершает деяние, то она подлежала юрисдикции церковного суда [19, с. 9].

Но кроме «Русской Правды» в этот же исторический период времени были приняты Церковные Уставы: «Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях

церковных» и «Устав князя Ярослава о церковных судах». Данные Уставы известны в нескольких редакциях, но в рамках нашей темы исследования мы обратим особое внимание на Устав князя Ярослава.

В целом данный Устав представляет интерес как для светской, так и для церковной истории в силу того, что является одним из ранних памятников древнерусского закона, отражающего церковное право. Устав Ярослава в большей части регламентировал положения судебно-практического характера [1, с. 80–86].

Статья 31 Краткой редакции и ст. 42 Пространной редакции данного Устава охраняли жену от побоев со стороны мужа, что в настоящее время актуально с точки зрения проводимой уголовной политики по регламентации ответственности за побои. К данным видам преступлений можно отнести ст. 26 Краткой редакции и ст. 31 Пространной редакции — повреждение бороды либо волос на голове. Но по данным Уставам это относилось к оскорблению.

При этом ст. 40 Пространной редакции — в отличие от Краткой редакции — отражала ответственность за применение физического насилия жены по отношению к своему мужу. Но при этом штраф платил муж, вероятнее всего, это было связано с тем, что он является главой семьи.

Статья 41 Пространной редакции запрещала драки между женщинами. В этом случае женщины подлежали ответственности в соответствии с церковным правом.

В ст. 43 Краткой и Пространной редакции отражалась ответственность за причинение телесных повреждений детьми по отношению к своим родителям. Исходя из нормы, нарушитель признается в любом возрасте не мужчиной, а «распоясавшимся юношей», что является социальным понижением виновного лица [5; 14].

Итак, можно сказать, что по сравнению с «Русской Правдой» «Церковный Устав князя Ярослава» в двух редакциях содержал более расширенный перечень посягательств на телесную неприкосновенность лиц, в частности, близких лиц в современном понимании.

Также необходимо подчеркнуть, что хоть это и первые законы Руси, но непосредственно первое упоминание об охране здоровья все же

было отражено, по исследованию А.Р. Миндаровой, в законе Хаммурапи, нормы которого регламентировали ответственность за причинение вреда здоровью человека, а наказание следовало в виде членовредительства либо принципа талиона [9, с. 31].

Таким образом, первое упоминание об охране телесной неприкосновенности личности было зафиксировано в совместных Договорах между Русью и Византией. В последующем, после принятия Русью Крещения, с помощью монахов, в том числе из-за рубежа, и с учетом имеющихся обычаев Руси была принята «Русская Правда», которая продолжила и развила охрану здоровья от преступных посягательств. А Церковный устав князя Ярослава в двух редакциях отражал ответственность за посягательство на здоровье близких лиц, чего не было отражено в нормах Русской правды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайдено П.И.* Церковный устав Ярослава как свідетельство религиозно-политической жизни Киевской Руси // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2008. № 5(106). С. 80–86.
2. *Данилова А.А., Галимов И.А.* Русская Правда как обычно-правовая инкорпорация // *Право и государство: история и современность, перспективы развития: сборник трудов по итогам работы научно-практического семинара / отв. ред. Е.С. Косых.* Стерлитамак: Стерлитамакский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения Высшего образования «Башкирский государственный университет», 2018. С. 68–70.
3. Договор Руси с Византией 911 г. [Электронный ресурс] // *Клио Софт.* URL: <http://www.history.ru/content/view/1369/87/> (дата обращения: 12.02.2020).
4. *Капишиников А.Д.* Договоры Руси с Византией в X веке // *Право и государство: история и современность, перспективы развития: сборник трудов по итогам работы научно-практического семинара / отв. ред. Е.С. Косых.* Стерлитамак: Стерлитамакский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения Высшего образования «Башкирский государственный университет», 2018. С. 99–101.
5. Краткая редакция «Устава князя Ярослава о церковных судах» // *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси.* М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 168–170.
6. Краткая редакция. Текст по Академическому списку. Правда Роськая // *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси.* М.: Юрид. лит., 1984. С. 47–49.
7. *Лоба В.Е., Малахов С.Н.* Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды): моногра-

фия. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2011. 178 с.

8. *Логвинова А.К.* Система преступлений и наказаний в Русской Правде // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 49–50.

9. *Миндарова А.Р.* История развития законодательства об уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью // Science Time. 2017. № 11(47). С. 31–36.

10. *Овчинникова Т.К.* Соотношение «закона» и «правды» в русской политической мысли XI–XVI веков // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 1(3). С. 111–114.

11. *Осипян Б.А.* «Русская Правда» как первоисточник российского права // Lex russica (Русский закон). 2011. Т. 70. № 4. С. 651–657.

12. *Осокин Р.Б.* Генезис норм об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в досоветский период // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12-1 (104). С. 396–399.

13. *Попов И.В.* Правовое значение русской правды // Научный электронный журнал Меридиан. 2017. № 5(8). С. 30–32.

14. Пространная редакция «Устава князя Ярослава о церковных судах» // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 189–192.

15. Пространная редакция. Суд Ярославль Володимирч. Правда Русьская // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 64–73.

16. Русско-Византийский договор 944 г. [Электронный ресурс] // ХРОНОС. URL: <http://hrono.ru/dokum/0900dok/0944dog.php> (дата обращения: 12.02.2020).

17. *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юрид. лит., 1988. 176 с.

18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

19. *Федорова А.Н.* Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 22 с.

20. *Филатова О.Н.* Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. 26 с.

21. *Худяков С.С.* Доведение до самоубийства — история развития отечественного уголовного законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 169–175.

22. *Цуцкарева А.А., Калашикова Е.Б.* «Русская правда»: история и актуальность // Научный альманах. 2017. № 3-1 (29). С. 357–359.

23. *Яготинская Е.С., Никитенко М.Г.* «Краткая Русская правда» в свете развития феодализма // Молодежь. Наука. Современность: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2017. С. 56–58.

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-19

Саликова Сусанна Владимировна,
аспирант кафедры теории и
истории государства и права
Кубанского государственного
университета,
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, д. 149

Salikova, Susanna V.,
Post-Graduate Student
of the Department of Theory
and History of State and Law,
Kuban State University,
149 Stavropolskaya St., 350040,
Krasnodar, Russian Federation

О НОРМАТИВНОМ ОТРАЖЕНИИ ПРИНЦИПА ДЕМОКРАТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE NORMATIVE REFLECTION OF THE PRINCIPLE OF DEMOCRACY IN THE MODERN LEGISLATION OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены некоторые актуальные вопросы отражения принципа демократизма и его различных сторон в федеральном и региональном законодательстве современной России. В современных условиях необходимо согласование степени отражения и конкретизации различных аспектов принципа демократизма в федеральном и региональном законодательстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принцип; демократизм; региональный; нормативные акты.

ABSTRACT. The article deals with some topical issues of reflection of the principle of democracy and its various aspects in the Federal and regional legislation of modern Russia. In modern conditions it is necessary to coordinate the degree of reflection and concretization of various aspects of the principle of democracy in Federal and regional legislation.

KEYWORDS: principle; democracy; regional; normative acts.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Саликова С.В. О нормативном отражении принципа демократизма в современном законодательстве субъектов Российской Федерации // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 111–114. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-19

FOR CITATION:

*Salikova, S.V. On the normative reflection of the principle of democracy in the modern legislation of the subjects of the Russian Federation. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 111–114 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-19*

Принцип демократизма в формировании и реализации права сегодня выделяется в качестве общеправового принципа многими, хотя и далеко не всеми отечественными авторами. Например, иногда демократизм трактуется как свойство государства и политической системы общества, а не принцип права. И тем не менее он не просто является таковым, но и занимает важное место в системе тех принципов права, которые получили закрепление как в федеральном, так и в региональном законодательстве современной России. Более того, он закреплен сразу в нескольких своих аспектах, что выражает его содержательную и техническую многогранность.

Демократическое государство основывается на таком характере взаимоотношений между личностью, обществом и государством, при котором интересы личности, права и свободы граждан являются основной социальной ценностью, охраняемой обществом и государством. При этом деятельность государственных органов должна быть подчинена задаче обеспечения прав и свобод граждан, направлена на развитие независимых и полноправных институтов гражданского общества. Поэтому важнейшим критерием демократизма является закрепление в законодательстве и реальное соблюдение общепризнанных прав и свобод и их реализация [9].

Принцип демократизма в различных своих аспектах закреплен не только в федеральных, но и в региональных нормативных актах, в частности, в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации. Приведу в качестве примеров ряд актов субъектов Юга России. Так, в статье 4 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия закреплено, что «народ осуществляет свою власть через Главу Республики Калмыкия, Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия и органы местного самоуправления», а «высшим непосредственным выражением воли народа являются референдум и свободные выборы» [6]. В этом плане интересным выглядит положение о выражении власти народа через Главу республики как должностного лица, избранного гражданами.

В статье 1 Конституции Республики Северная Осетия – Алания от 12.11.1994 закреплено, что «Республика Северная Осетия – Алания есть демократическое правовое государство,

выражающее волю и интересы ее многонационального народа», а в статье 3 указано, что «единственным источником власти в Республике Северная Осетия – Алания является народ» [5]. Естественно, что в последующих положениях принцип демократизма конкретизируется применительно к формированию права. В частности, закреплена возможность проведения референдумов, в том числе по проектам нормативных правовых актов, а также установлено, что решения, принятые на референдумах, могут быть отменены только последующими референдумами.

На мой взгляд, своеобразным выражением принципа демократизма в региональном законодательстве является закрепление в нем положений о том, что деятельность высших органов государственной власти регионов не должна осуществляться в ущерб их населению, в ущерб народу. Так, статья 26 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия устанавливает, что «полномочия Главы Республики Калмыкия не могут быть использованы в ущерб интересам народа Республики Калмыкия» [6].

Важнейшим аспектом нормативного отражения принципа демократизма в формировании и реализации права является сегодня нормативное закрепление демократических основ регионального правотворчества. Прежде всего, в современных субъектах Российской Федерации официально закреплена возможность принятия нормативных правовых актов на референдумах.

Далее, при планировании подготовки региональных нормативных актов нередко используется институт народных правотворческих (общественных) инициатив. В частности, в Законе Кабардино-Балкарской Республики от 03.08.2002 № 52-РЗ (с изменениями на 05.06.2018) «О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике» в статье 29 указано, что «правотворческие органы обязаны поддерживать народную правотворческую инициативу, то есть рассматривать предложения граждан, политических партий и иных общественных объединений, органов местного самоуправления о принятии (издании), об изменении или о признании утратившими силу (отмене) нормативных правовых актов». Также установлено, что «для выявления обществен-

ного мнения правотворческие органы могут проводить всенародное обсуждение проектов нормативных правовых актов» (п. 2 ст. 29), а кроме того, статьей 34-3 предусмотрена возможность проведения публичных слушаний по проектам нормативных правовых актов, которые «представляют собой их общественное обсуждение» [2].

В ряде субъектов также нормативно допускается возможность подготовки проектов нормативных правовых актов, в том числе проектов альтернативных, общественными организациями.

Выражением принципа демократизма в законодательстве субъектов Российской Федерации является закрепление различных форм участия граждан в разработке региональных нормативно-правовых актов. Так, в Законе республики Северная Осетия – Алания от 14.11.2014 № 36-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Северная Осетия – Алания» (п. 5 ст. 7 предусмотрена возможность проведения конкурса на лучший проект нормативного правового акта Республики Северная Осетия – Алания, в котором возможно участие представителей общественности [4]. В Законе Республики Адыгея от 09.10.1998 № 92 «О нормативных и иных правовых актах» (с изменениями на 30.07.2014) в статье 24 закреплена возможность подготовки проектов нормативных актов общественными организациями, в том числе проектов альтернативных, при этом проекты нормативных правовых актов могут выноситься на всенародное обсуждение через средства массовой информации (статья 25), а при планировании подготовки нормативных актов Республики Адыгея (статья 23) предусмотрена работа экспертной рабочей группы по рассмотрению общественных инициатив, направляемых гражданами с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [3].

Важным аспектом принципа демократизма в формировании и реализации права является обеспечение возможности для граждан обращаться в государственные органы, в том числе по вопросам совершенствования законодательства и практики правоприменения. И в этом плане законодательство ряда субъектов Российской Федерации содержит соответствующие предписания. Так, статья 33 Консти-

туции Республики Северная Осетия – Алания устанавливает положение, согласно которому «граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [5]. Такое право предоставлено и органам местного самоуправления. Согласно Уставу города Севастополя «обращения органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления подлежат обязательному рассмотрению органами государственной власти города Севастополя, должностными лицами органов государственной власти города Севастополя, к которым эти обращения направлены» [7]. Думается, что предоставление указанной возможности является существенным фактором участия населения в совершенствовании законодательства и правоприменительной практики в субъектах РФ.

Выражением принципа демократизма в региональном законодательстве можно считать нормативное наделение населения правом решать вопросы местного значения. Так, в Законе Кабардино-Балкарской Республики от 03.08.2002 № 52-РЗ (с изменениями на 05.06.2018) «О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике» в п. 3 статьи 5 указано, что «население муниципального образования вправе в установленном порядке участвовать в решении вопросов местного значения», а в статье 15 к муниципальным правовым актам отнесены и «акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан)» [2]. Аналогичные возможности предоставляются и нормативными актами других субъектов Федерации.

Интересной и относительно новой формой выражения принципа демократизма в законодательстве субъектов Российской Федерации является закрепление основ деятельности региональных общественных палат. Такие основы закреплены и в федеральном законодательстве. В частности, в Федеральном законе «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» установлено, что «общественная палата субъекта Российской Федерации обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, и некоммерческих организаций, созданных для представления и

защиты прав и законных интересов профессиональных и социальных групп, осуществляющих деятельность на территории субъекта Российской Федерации, с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления, находящимися на территории субъекта Российской Федерации, в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты прав и свобод граждан, прав и законных интересов некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия на территории субъекта Российской Федерации» [8]. Данное положение практически без изменений воспроизводится в законах соответствующих субъектов Российской Федерации. При этом (также в контексте отражения принципа демократизма) в региональном законодательстве среди целей и задач общественных палат по аналогии с Федеральным законом названы такие как: «согласование общественно значимых интересов граждан, некоммерческих организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов развития; развитие демократических институтов; выдвижение и поддержка гражданских инициатив, направленных на защиту прав, свобод и законных интересов; выработка рекомендаций органам государственной власти при определении приоритетов в области государственной поддержки некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества» [1]. В этом плане интерес представляет то, что общественным палатам субъектов Российской Федерации предоставлено право проводить гражданские форумы, слушания,

круглые столы и иные мероприятия по общественно важным проблемам, направлять запросы соответствующим государственным органам, что также выражает различные аспекты принципа демократизма, в том числе в плане формирования массива действующего законодательства.

Это лишь некоторые вопросы, связанные с отражением в региональном законодательстве современной России принципа демократизма. Очевидно, что вопросы конкретизации, детализации данного принципа в современном законодательстве федерального и регионального уровней нуждаются как в дальнейшем научном исследовании, так и в практическом разрешении, в том числе в контексте решения современных общественных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон города Севастополя «Об Общественной палате города Севастополя» от 28.12.2018 [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/543771832
2. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 03.08.2002 № 52-РЗ (с изменениями на 05.06.2018) «О правовых актах в Кабардино-Балкарской Республике» [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/802054266
3. Закон Республики Адыгея от 09.10.1998 № 92 «О нормативных и иных правовых актах» (с изменениями на 30.07.2014) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/804932445
4. Закон Республики Северная Осетия – Алания от 14.11.2014 № 36-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Северная Осетия – Алания» [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/423857869
5. Конституция Республики Северная Осетия – Алания от 12.11.1994 (с изменениями на 10.05.2017) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/304200016
6. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 05.04.1994 (с изменениями на 09.06.2018) [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/720705887
7. Устав города Севастополя от 11.04.2014 [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/413801002
8. Федеральный Закон «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru/document/420361607
9. Чернов К.А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.

УДК 340.15

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-20

Краковский Константин Петрович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры государственного управления
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 84,
e-mail: kp.krakovskiy@igsu.ru

Krakovskiy, Konstantin P.,
Doctor of Law, Professor of the Department of
state studies at the Institute of public service and
management of the Russian Academy of national
economy and public administration under the
President of the Russian Federation,
84 Vernadsky Ave., Moscow, 119571,
Russian Federation,
e-mail: kp.krakovskiy@igsu.ru

ТРИ ВОЗРАСТА С.Ф. КЕЧЕКЬЯНА (ДОПОЛНЕНИЯ К ИЗВЕСТНОЙ БИОГРАФИИ ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО)

THREE AGES OF S.F. KECHICHIAN (ADDITIONS TO THE FAMOUS BIOGRAPHY OF A FAMOUS SCIENTIST)

АННОТАЦИЯ. В статье представлены неизвестные ранее факты и документы о жизни видного советского ученого-юриста С.Ф. Кечекьяна, восстановленные благодаря документам его студенческого «досье», хранящегося в Центральном государственном архиве Москвы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическое образование; юридический факультет; Московский университет; Донской университет.

ABSTRACT. The article presents previously unknown facts and documents about the life of the famous Soviet legal scholar S.F. Kechekyan, restored thanks to the documents of his student «dossier», stored in the Central state archive of Moscow.

KEYWORDS: legal education; faculty of law; Moscow University; Donskoy University.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Краковский К.П. Три возраста С.Ф. Кечекьяна (дополнения к известной биографии известного ученого) // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 115–125. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-20

FOR CITATION:

*Krakovskiy, K.P. Three ages of S.F. Kechichian (additions to the famous biography of a famous scientist). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 115–125 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-20*

Могу с уверенностью утверждать, что для потомков имеют значение не только труды знаменитых ученых, но и факты, свидетельства, в том числе документальные или вещественные, касающиеся их жизни. О Степане Федоровиче Кечекьяне, нашем замечательном земляке и в далеком прошлом преподавателе и руководителе нашего факультета, ставшем выдающимся советским ученым-юристом, написано немало [2; 5–12]. Кое-что написано о нем ранее и автором этой статьи [3, с. 139; 4, с. 174–177]. Однако отдельные факты из его жизни пока остаются неизвестными научной общественности. О некоторых из них может рассказать его студенческое «досье», хранящееся в фонде Московского университета в Центральном государственном историческом архиве Москвы. Они и будут представлены в настоящей статье¹.

Детство

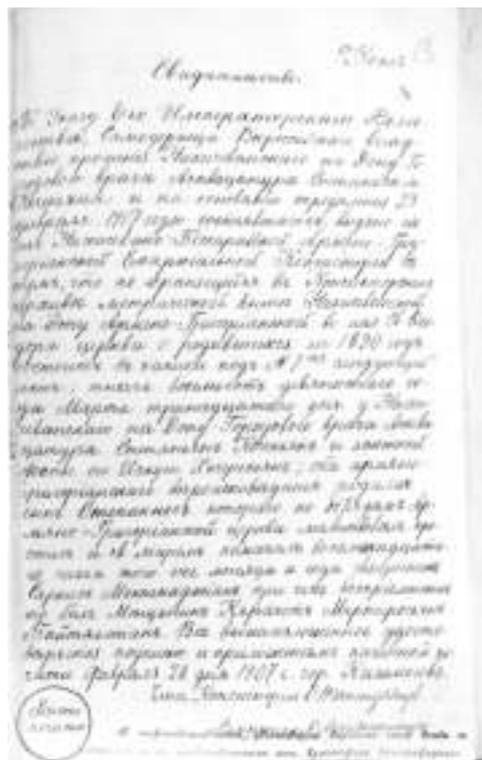
13 (25 по новому стилю) марта 1890 г. в Нахичевани-на-Дону (городе-спутнике Ростова-на-Дону, ставшем впоследствии Пролетарским районом Ростова) в семье городского врача Аствацатура Степановича Кечекьяна и дочери купца Искуги Хачересовны Аладжаловой (в браке Кечекьян) родился сын, названный, как положено, по деду, Степанносом. Спустя пять дней мальчика крестили по правилам армяно-григорианской церкви.

Кто мог тогда знать, что нареченного Степанноса Аствацатуровича впереди ждала яркая жизнь ученого, которого научный мир не только Советского Союза, но и далеко за его пределами знал как Степана Федоровича Кечекьяна?²

Мать будущего ученого оставила немного информации о своей жизни, а вот отец — Аствацатур Степанович — был хорошо известен при жизни как весьма активный общественный деятель. Он учился в Лазаревском институте восточных языков в Москве, после окончания

¹ Автор выражает искреннюю благодарность сотруднику музея истории юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Н.Г. Рыженко за предоставленные материалы и комментарии.

² Представители многочисленных национальностей нашей страны, живя в среде населения преимущественно русской национальности, «русифицировали» свои национальные имена и отчества. Так, наш герой из Степанноса Аствацатуровича превратился в Степана Федоровича.

Копия свидетельства о рождении С.Ф. Кечекьяна. ЦГИАМ. Публикуется впервые

Аствацатур Степанович Кечекьян
(отец С.Ф. Кечекьяна)

которого поступил на медицинский факультет Московского университета.

В 1885 г. он получил диплом лекаря. На этой должности он дослужился до чина титулярного советника (IX чин Табели о рангах).

*Первая страница формулярного списка
А.С. Кечекьяна (отца С.Ф. Кечекьяна).
ЦГИА Москвы. Публикуется впервые*

Как можно узнать из его формулярного списка, 1893 по 1913 г. он избирался гласным Нахичеванской городской думы. Он многие годы был членом Попечительных советов ряда образовательных учреждений Ростова-на-Дону (Екатерининской женской гимназии, Женских коммерческих курсов), избирался членом финансовой и больничной комиссий Городской думы.

Он избирался даже почетным мировым судьей. Также Аствацатур Степанович проводил большую общественную работу среди армянской диаспоры Донского края (был членом Нахичеванского армянского благотворительного общества, членом правления Нахичеванского отдела общества спасения на водах и др.).

Умер Аствацатур Степанович Кечекьян 29 ноября 1915 г., оставив о себе добрую память не только у родных и близких, но и у многих людей Нахичевани, Ростова-на-Дону, Донского края.

Детство Степанноса Кечекьяна прошло в доме, который, к счастью (во время Великой Отечественной войны Ростов-на-Дону под-

вергся чудовищным разрушениям), сохранился до сих пор¹.

В 1895 г. нахичеванский врач Аствацатур Степанович Кечекьян купил это домовладение на Бульварной площади (ныне площадь Свободы) [1].

Второй сын Аствацатура Степановича (родной брат Степанноса) Константин пошел по стопам отца, выбрав профессию врача. Он постигал медицину в Швейцарии накануне Первой мировой войны. По возвращении в Россию в 1914 г. он был мобилизован в армию, принимал участие в Гражданской войне. Он оказался в армии генерала Колчака в Сибири. Там встретил свою будущую жену — Юлию Петровну Кручинину. В 1922 г. с молодой женой Кон-

¹ Полагаю, что у юридического факультета ЮФУ есть все основания, чтобы водрузить на этом доме мемориальную доску, свидетельствующую о том, что здесь в 1890 г. родился и в 1890–1907 и 1921–1922 гг. жил выдающийся советский ученый-юрист С.Ф. Кечекьян. Мои предложения о помещении мемориальной доски на доме на пр. Семашко, где жил первый декан юридического факультета Донского государственного университета, выдающийся ученый-юрист Ф.Ф. Зигель, пока остаются втуне.

*Дом, в котором вырос С.Ф. Кечекьян
(Дом стоит между высотным зданием на углу 19-й Линии и бывшим
кинотеатром «Спартак»). Современная фотография*

Ростовская гимназия, в которой учился Степаннос Кечекьян

стантин вернулся в нахичеванский дом отца. Но в 1923 г. дом муниципализовали. Семье Константина Кечекьяна в доме выделили две комнаты. Остальные были переданы детской библиотеке имени А.С. Пушкина.

В эти годы у Константина Федоровича рождается сын Юрий, а позднее — дочь. В 1929 г. он покупает небольшой дом на 23-й линии и переселяется туда со своей семьей. После этого особняк полностью передается детской библиотеке. В конце марта 2013 г. ушел из жизни

внук и сын докторов Кечекьян — Юрий Константинович Кечекьян. Юрий Константинович был заслуженным рационализатором СССР, изобретателем, краеведом, он стоял у истоков создания армянской общины «Нор Нахичеван», был автором многих публикаций в газете «Нахичевань-на-Дону», известным в городе краеведом.

Вернемся, однако, к Степанносу Кечекьяну. В 1900 г. он поступил в Ростовскую классическую гимназию. Учение давалось Степанносу легко.

*Аттестат зрелости С.Ф. Кечекьяна. ЦГИАМ.
Публикуется впервые*

По всем предметам, за исключением «гимнастики» (иными словами, «физкультуры»), он имел в аттестате отличные отметки. Таков частый удел интеллектуалов: не «дружить» с атлетическими занятиями.

И, наоборот, троечники часто пытаются здоровьем и весьма успевают именно по «неинтеллектуальным» предметам. Правда, на выпускном экзамене он все же получил четверку по немецкому языку, что, впрочем, не означало его слабости в иностранных языках. Впоследствии в своих научных трудах он использовал достаточно много зарубежной литературы на «иноземных» языках.

Итак, Ростовскую гимназию Степаннос Кечекьян окончил в 1907 г. с золотой медалью, что давало ему право поступления в университет без вступительных экзаменов.

Студенческая юность

В ту пору в Ростове-на-Дону (не говоря уже о Нахичевани), как, впрочем, и на всем Юге России университета еще не было. Он появится в Ростове только в 1915 г., да и то вследствие трагических обстоятельств. В связи с началом Первой мировой войны, наступлением германских войск на территории Привислинских губерний (так называлась в ту пору часть Польши, ото-

шедшая России после известных разделов этой страны в конце XVIII в.), Варшавский университет летом 1915 г. был эвакуирован в Москву, а затем переехал в Ростов-на-Дону. Временно. Но, как оказалось, навсегда.

Молодой выпускник гимназии с золотой медалью Степаннос Кечекьян чувствовал в себе желание и силу продолжить образование. Полагаю, что именно отец посоветовал ему поступать на юридический факультет. Ближайшим к Ростову был императорский Харьковский университет, но юноша стремился поступать в более престижный вуз — в одной из столиц, в Москве.

18 июля 1907 г. он обратился с заявлением на имя ректора императорского Московского университета о зачислении его на юридический факультет Московского университета.

Как и в гимназии, учеба талантливому студенту Степанносу Кечекьяну давалась легко — он был круглым отличником. Однако не ограничивался только академическими занятиями и размышлял над социальными проблемами России, желал разобраться в течениях общественно-политической мысли того времени, найти что-то свое...

Во время учебы в университете С.Ф. Кечекьян сблизился со своим земляком, студен-

Прошение С.Ф. Кечекьяна о приеме его на юридический факультет Московского университета. Автограф. ЦГИАМ. Публикуется впервые

том того же факультета А.М. Ладыженским [4, с. 196–200]¹, вместе с ним посещал философский кружок профессора философии князя Е.Н. Трубецкого, где был самым молодым из его членов, — остальные были на 3–4 года старше, но участвовал в философских спорах с друзьями (среди них был и будущий известный философ и политический публицист Н. Устрялов) на равных.

По воспоминаниям А.М. Ладыженского, в эти годы студент-юрист С.Ф. Кечекьян (друзья называли его «Нахичеванский Кечекьян») увлекался фрейбургским направлением неокантианства. Эта школа, основанная профессорами университетов Гейдельберга и Фрейбурга Виндельбандом и Риккертом в конце XIX — начале XX века, усматривала основу человеческой культуры в сфере идеальных ценностей и противо-

¹ Предполагается представить документы А.М. Ладыженского, в прошлом профессора юридического факультета РГУ, в последующих номерах «Вестника».

Студенческая фотография А.М. Ладыженского. ЦГИАМ. Публикуется впервые

поставляла метод естественных наук методу исторических наук (наук о культуре), отвергала объективные закономерности истории.

Вместе с другими членами кружка, по представлению князя Трубецкого, С.Ф. Кечекьян бывал на заседаниях религиозно-философского общества в особняке М.К. Морозовой, где выступали известные философы и мыслители того времени Вяч. Иванов, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Ф.А. Степун и др.

Пусть современных читателей не вводит в заблуждение оценка «весьма удовлетворительно». Это не «тройка», а высший балл («пятерка»)².

Четыре студенческих года пролетели быстро. Студент С. Кечекьян был допущен к сдаче государственных экзаменов по учебному плану для цивилистов.

В те далекие времена, как, впрочем, и в наши дни, военное ведомство «отслеживало» молодых людей, которые должны выполнить свой воинский долг, отслужить в армии. Уже по окончании гимназии С.Ф. Кечекьян получил напоминание из Ростовского о воинской по-

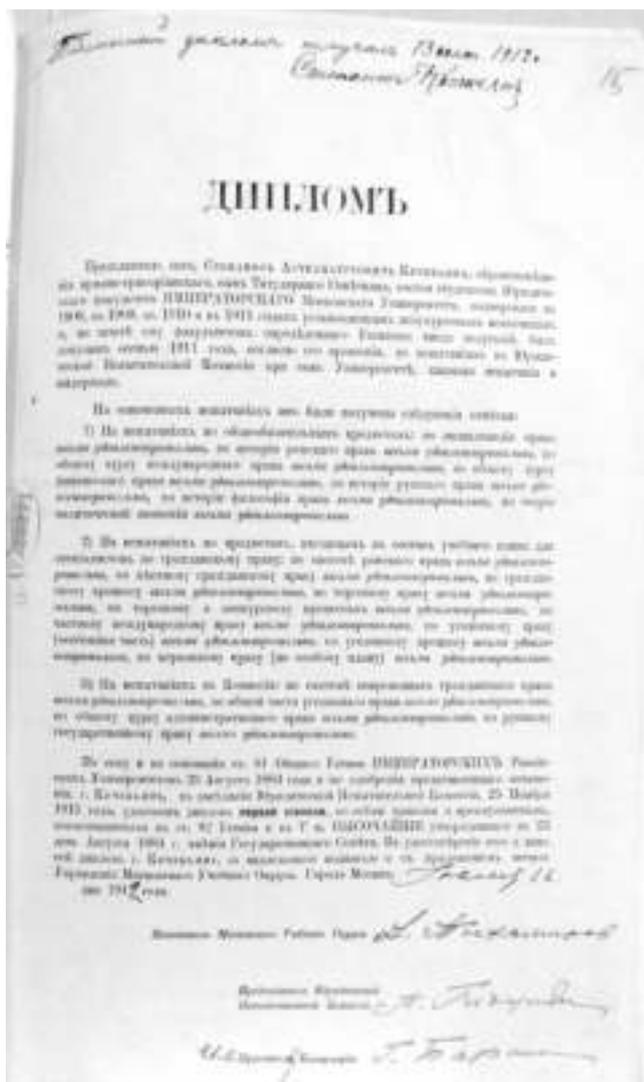
² В те времена знания студентов оценивались следующими оценками (в порядке убывания): «весьма удовлетворительно», «удовлетворительно», «неудовлетворительно, но допустимо», «недопустимо».

Свидетельство с оценками студента С. Кечекьяна по текущим предметам юридического факультета. Подписал декан юридического факультета профессор Л.А. Комаровский. ЦГИАМ. Публикуется впервые

Экзаменационный лист С. Кечекьяна с его студенческой фотографией. ЦГИАМ. Публикуется впервые

Копия диплома об окончании юридического факультета императорского Московского университета Степанноса Кечекьяна. ЦГИАМ. Публикуется впервые

винности присутствия о приписке его ко второму призывному участку Ростовского градоначальства. Он, однако, уведомил начальство о поступлении в университет, дав обязательство через четыре года, по окончании университета, сообщить призывные органы о своем статусе.

«Царский военкомат» не забыл о своем «призывнике» и уже в 1911 г. сделал запрос в Московский университет о подлежащем призыву С. Кечекьяне. Университетское руководство, подтвердив студенческий статус «призывника», напомнило военному ведомству о его праве на отсрочку для сдачи государственных экзаменов в течение двух лет.

Успешно сдав экзамены, С. Кечекьян в 1912 г. был оставлен при университете для под-

готовки к профессорскому званию по кафедре энциклопедии и истории философии права, согласно отзыву профессора князя Е.Н. Трубецкого. Это избавило его, в частности, и от «тягот и лишений воинской службы».

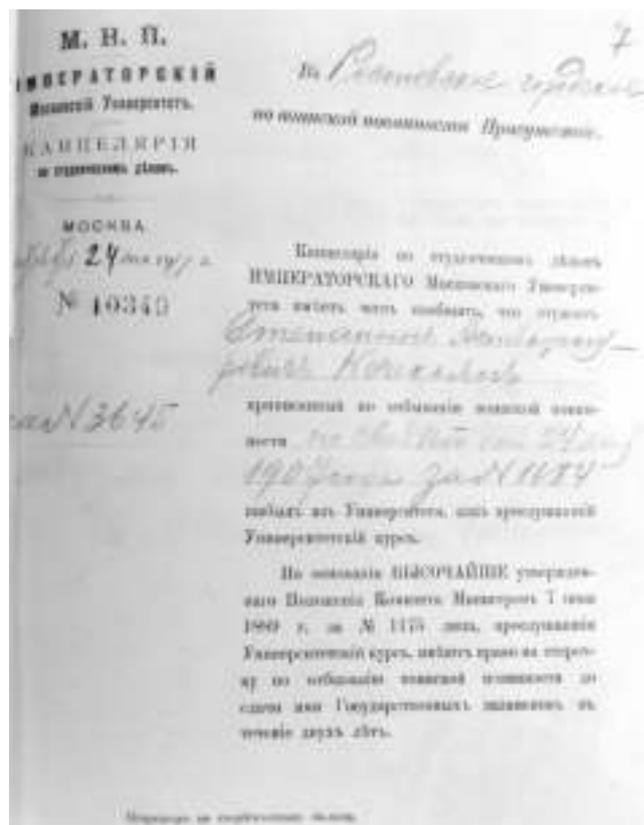
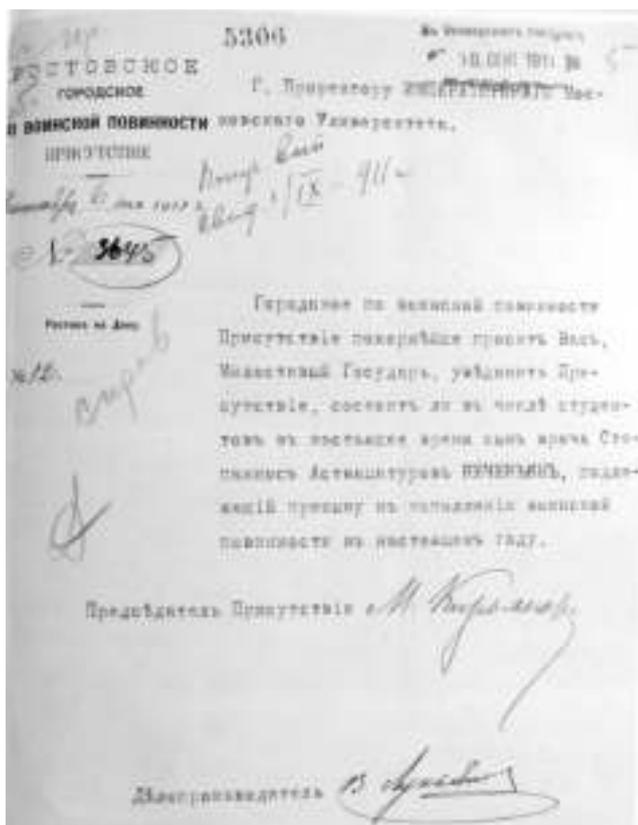
В 1914 г. С. Кечекьян сдал магистерский экзамен, и тогда же была опубликована первая работа молодого ученого — монография «Этическое мировоззрение Спинозы». В этом исследовании рассматривались не только проблемы этики в произведениях великого голландца, но и его правовая доктрина, учение о государстве, политическом идеале, т.е. все общественно-политическое и правовое мировоззрение в целом, взятое к тому же в сопоставлении со взглядами И. Канта, Т. Гоббса и других политических мыслителей.

Весной 1915 г. после прочтения пробных лекций С.Ф. Кечекьян был принят в число приват-доцентов Московского университета. Кроме этого, он преподавал в ряде других московских вузов (Коммерческом институте, Частном юридическом институте, на Высших женских курсах). С 1916 г. преподавал еще общую теорию права и историю политических учений в Нижегородском народном университете, совершая периодически вояжи из Москвы в Нижний Новгород. В 1917 г. он также читал лекции по вопросам государственного права и социально-политической идеологии в Смоленске, Нижнем Новгороде, Симферополе.

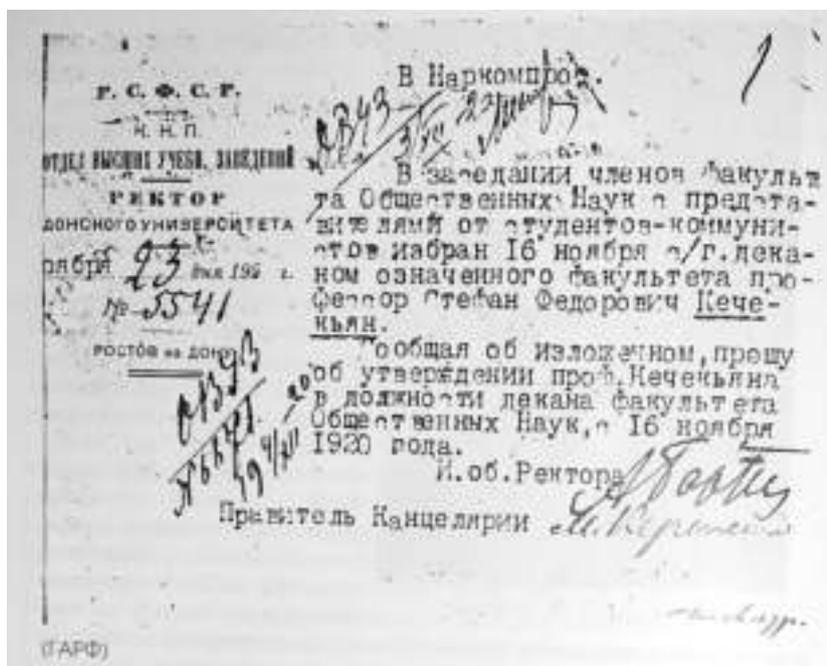
Весной 1918 г. Кечекьян, теперь уже Степан Федорович, был избран на должность экстраординарного профессора Пермского университета по кафедре государственного права, читал лекции по социологии и истории философии права. Но уже в декабре 1918 г. перешел в Саратовский университет, стал там деканом факультета общественных наук и читал те же курсы, что и в Перми, вел преподавание также в Педагогическом и Экономическом институтах.

Вновь на малой Родине. Донской университет

С марта 1920 г. профессор С.Ф. Кечекьян командирован в свой родной город Ростов-на-Дону для укрепления создающегося здесь на базе закрываемого юридического факультета Донского университета факультета общественных наук. В должности профессора он преподает курсы истории политических учений Запада (Новое время) — лекции и практические

Переписка военного ведомства и Московского университета по поводу «призывника» С. Кечекьяна. ЦГИАМ. Публикуется впервые

Письмо Донского университета в Наркомпрос РСФСР с информацией об избрании С.Ф. Кечекьяна деканом факультета общественных наук ДГУ. ГАРФ

занятия, и истории развития политической мысли в России — лекции и практические занятия.

В октябре 1920 г. С.Ф. Кечекьян был избран первым деканом созданного в Донском университете факультета общественных наук.

С марта 1921 г., после смерти профессора Ф.Ф. Зигеля, заведовал еще и находившимся ранее в его ведении кабинетом социологии ФОНа. В октябре 1922 г. профессор С.Ф. Кечекьян увольняется из Донского университета. Интересно, что в смете ФОНа на 1920/1921 учебный год были запланированы расходы на издание подготовленной к печати книги С.Ф. Кечекьяна «Социология» (20 печатных листов) [3, с. 349].

В 1922 г. С.Ф. Кечекьян возвращается в Москву и преподает в Московском Пречистенском институте и Институте слова. На этом мы останавливаем наше повествование о некоторых фактах из жизни выдающегося ученого-юриста С.Ф. Кечекьяна, восстановленных благодаря документам хранящегося в архиве его студенческого дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошинова Л.Ф. Бульварная площадь. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2001.

2. Графский В.Г. Степан Федорович Кечекьян. (К 100-летию со дня рождения) // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 137–138.

3. Краковский К.П. Нить времени (история юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета. Ростов н/Д, 2005. Ч. 2. Т. 1.

4. Краковский К.П. Нить времени. Биографии профессоров юридического факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета. Ростов н/Д, 2003.

5. Лапаева В.В., Нерсесянц В.С. Кечекьян Степан Федорович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2 / отв. ред. В.М. Сырых. М.: РАП, 2011. С. 349–350.

6. Новицкая Т.Е., Томсинов В.А. Кафедра истории государства и права юридического факультета МГУ //

Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2001. № 4. С. 87–95.

7. Прозорова Н.С. С.Ф. Кечекьян // Известия вузов. Правоведение. 1976. № 2.

8. Профессор Кечекьян Степан Федорович. К 75-летию со дня рождения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1965. № 2. С. 85–87.

9. Профессор Московского университета Степан Федорович Кечекьян. К 80-летию со дня рождения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1970. № 3.

10. С.Ф. Кечекьян (специалист в области правоведения. 1890–1967). Некролог // Советское государство и право. 1967. № 9. С. 144.

11. Степан Федорович Кечекьян. К 70-летию со дня рождения. М., 1960.

12. Юбилей профессора С.Ф. Кечекьяна // Известия вузов. Правоведение. 1965. № 2. С. 207–208.

13. Юбилей профессора С.Ф. Кечекьяна // Советское государство и право. 1965. № 4. С. 161.

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-21

Овчинников Алексей Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права
Южного федерального университета,
344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
e-mail: k_fp3@mail.ru

Ovchinnikov, Aleksey I.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Chair of Theory and History
of State and Law, Southern
Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation,
e-mail: k_fp3@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

LEGAL POLICY OF THE STATE AND ITS STRATEGIC FAMILY VIOLENCE PREVENTION PRIORITIES

АННОТАЦИЯ. В Южном федеральном университете состоялось очередное научное мероприятие по наиболее актуальным вопросам развития отечественной правовой системы. На этот раз темой для обсуждения выбрана новая законодательная инициатива — профилактика семейно-бытового насилия. Тема вызвала большой интерес у представителей различных отраслей юриспруденции, правозащитников, психологов, педагогов и общественных деятелей. По общему мнению, принятие таких инициатив должно сопровождаться широким общественным обсуждением, тщательным анализом уже действующего законодательства и оценки его эффективности, а затем уже предложениями новых законопроектов. Участники предложили ряд изменений законодательства, направленных на оптимизацию правовой политики государства в сфере профилактики семейно-бытового насилия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовая политика; семейно-бытовое насилие; домашнее насилие; права детей; материнство; отцовство; детство; профилактика правонарушений.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Овчинников А.И. Правовая политика государства и ее стратегические приоритеты в сфере профилактики семейного насилия // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 126–129. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-21

ABSTRACT. The next scientific event on the most pressing issues of the development of the domestic legal system was held at the Southern Federal University. This time, a new legislative initiative was chosen as the topic of discussion — the prevention of family violence. The topic aroused great interest among representatives of various branches of jurisprudence, human rights defenders, psychologists, teachers and public figures. In general opinion, the adoption of such initiatives should be accompanied by wide public discussion, a thorough analysis of existing legislation and evaluation of its effectiveness, and then by proposals of new bills. Participants proposed a number of legislative changes aimed at optimizing the state's legal policy in the field of prevention of family violence.

KEY WORDS: legal policy; family violence; children's rights; motherhood; paternity; childhood; crime prevention.

FOR CITATION:

Ovchinnikov, A.I. Legal policy of the state and its strategic family violence prevention priorities. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 126–129 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-21

Двенадцатого марта 2020 года в г. Ростове-на-Дону на базе Южного федерального университета состоялась всероссийская конференция, посвященная правовой политике государства и ее стратегическим приоритетам в сфере профилактики семейного насилия. В мероприятии приняли участие как ученые, так и представители служб образования и молодежной политики, психологи, юристы, духовенство Русской православной церкви, общественных организаций, СМИ Ростовской области. Тема пленарного заседания: «Законопроект о домашнем насилии: избыточность или необходимость?». В нем приняли участие декан юридического факультета ЮФУ Зиновьев Игорь Петрович, ректор Донской духовной семинарии протоиерей Тимофей Фетисов, Уполномоченный по правам ребенка в Ростовской области Черкасова Ирина Александровна, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Баранов Павел Петрович, директор общественной организации «Институт демографической безопасности» Медведева Ирина Яковлевна (тема выступления: «Неучтенный фактор национальной безопасности»), заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Бойко Александр Иванович, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор Корецкий Даниил Аркадьевич и другие известные ученые и общественные деятели.

Обсуждая законопроект «О профилактике семейно-бытового (домашнего) насилия», участники конференции были едины относительно необходимости государственной поддержки семьи, гарантий и защиты материнства, отцовства и детства. Однако дополнительных нормативных актов в сфере профилактики семейно-бытового насилия, по общему мнению

участников, не требуется, так как достаточно доработки и эффективной реализации тех правовых норм, которые уже существуют и на сегодняшний день способны как предупредить случаи семейно-бытового насилия, так и защитить их жертвы. Кроме того, исходя из общедоступной информации и статистических данных, в настоящее время однозначно признавать массовость и распространенность проявления насилия в семьях нет никаких оснований.

Современные нормы, уже направленные на профилактику семейно-бытового насилия, содержатся в статьях УК РФ, УПК РФ, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Семейного кодекса РФ, Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», региональных законодательных актов, многочисленных подзаконных актов. Серьезным препятствием на пути к эффективной реализации этих норм является коррупция в правоохранительных органах, недостаточная подготовка и квалификация сотрудников полиции, рост незарегистрированных браков.

На сегодняшний день существует институт лишения родительских прав, органы опеки и попечительства наделены необходимой совокупностью правомочий, вполне достаточных для активной и эффективной защиты прав ребёнка, действуют подразделения по делам несовершеннолетних в системе МВД России, имеются судебные механизмы защиты прав детей и других членов семей.

Доработка уже существующих и действующих нормативных положений позволит избежать многочисленных юридических коллизий, психологических конфликтов, непрогнозируемых политических последствий, этноконфессиональных и социокультурных противоречий, неизбежно возникающих при внедрении в правовую систему Российской Федерации зарубежных правовых моделей, в столь деликатной и болезненной для общества теме как семейные отношения.

Законопроект нарушает конституционные права граждан, создает правовую основу для вмешательства в дела семьи, представляет со-

бой угрозу национальной и демографической безопасности страны, генерирует высокие риски социальной дестабилизации. Кроме того, отдельные статьи законопроекта обладают серьезной коррупциогенностью, ввиду неопределенности многих юридических терминов. Законопроект не только не решит проблему семейно-бытового насилия и не позволит усовершенствовать систему его профилактики, но и будет способствовать возникновению недоверия к институту семьи, прежде всего, у молодого поколения.

Среди этих неопределенных терминов указанное в ст. 2 ПФЗ понятие «семейно-бытовое насилие», под которое может быть подведено любое страдание, не причиняющее боли и не порождающее последствий, которые могут быть юридически зафиксированы. В результате основанием для применения суровых санкций закона может стать принятие решения правоприменителем относительно квалификации страданий на основе субъективного усмотрения. Аналогичным коррупциогенным потенциалом для правоприменительного усмотрения обладает и термин «психическое страдание». Вводимые законопроектом понятия «психологического», «экономического» насилия, а также расширение понятия «физического насилия» дают повод для вмешательства практически в каждую семью.

Указанные формулировки, как и иные понятия законопроекта, не отвечают вытекающим из Конституции Российской Федерации требованиям определенности и недвусмысленности правовой нормы, что противоречит статьям 19, 34 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Данная неопределенность нарушает такой принцип правового государства, как «обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы и ее согласованности с системой действующего правового регулирования» (Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 N 7-П).

Коррупциогенностью обладает и возможность вынесения судебного защитного предписания, которое может ограничить ряд конституционных прав граждан: неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), право на воспитание детей (ст. 38 Конституции РФ), неприкосновенность собственно-

сти (ст. 35 Конституции РФ), право на жилище (ст. 40 Конституции РФ), свобода передвижения (ст. 27 Конституции РФ), свобода совести и право действовать в соответствии со своими убеждениями (ст. 28 Конституции РФ). Коррупционные риски возникают и в результате обязывания правонарушителей проходить психологические специализированные программы, что будет способствовать вовлечению в процессы реализации норм законопроекта некоммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, оказывающих такие услуги.

По итогам конференции принята резолюция, в которой участники изложили общие предложения, в том числе предложение разработчикам законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» в Совете Федерации Российской Федерации, в Государственной думе Российской Федерации отказаться от дальнейшей разработки данного законопроекта ввиду его явной избыточности, коррупциогенности, этноконфессиональной и социокультурной конфликтогенности, а также отсутствия в обществе запроса на разработку такого законопроекта. Прозвучали также предложения разработать и принять законопроекты, направленные на укрепление и защиту института семьи, а в целях обеспечения демографической безопасности страны отказаться от реализации внешних обязательств по международным конвенциям, в результате которых в России продвигаются опасные для института семьи законодательные инициативы; ввести ограничения на разработку любых законопроектов, касающихся семейных отношений без предварительного обсуждения с представителями традиционных конфессий и учета их официальных позиций по разрабатываемым законам, не включать в рабочие группы по созданию таких законов лиц, не имеющих семьи и опыта семейной жизни не менее десяти лет; ввести запрет на включение в перечень социально-ориентированных некоммерческих организаций таких организаций, которые имели в прошлом иностранное финансирование; ввести запрет на иностранное финансирование разработки и реализации национальных стратегий в России.

В целях обеспечения национальной безопасности прозвучало предложение об обяза-

тельном прохождении наиболее важных федеральных законопроектов этнокультурной и конфессиональной экспертизы с привлечением представителей традиционных религий Российской Федерации на соответствие законопроектов традиционным духовно-нравственным ценностям Российской Федерации.

Участники конференции говорили также о необходимости разрабатывать юридические механизмы, ограничивающие сцены, демонстрирующие насилие и жестокость на телевидении, в интернете и компьютерных играх; разработать механизм общественного контроля в сфере государственного регулирования в области массовой информации, оказывающей негативное воздействие на нравственность, психическое здоровье и психологическое состояние общества; сохранить существующую маркировку информационной продукции, учитывающую различную возрастную градацию в зависимости от характера информации, способной нанести вред развитию и здоровью детей; принять меры, направленные на стимулирование и государственное финансирование произведений культуры и искусства, пропагандирующих традиционные семейные ценности, а также на введение запрета государственного финансирования и иных форм государственной поддержки произведений культуры и ис-

кусства, пропагандирующих отказ от традиционных семейных ценностей (ценностей, обеспечивающих непрерывную смену поколений, являющихся условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, имеющих предназначением рождение и воспитание детей).

Особенно обратили внимание участники на важность разработать мероприятия, направленные на борьбу с распространением порнографии в сети Интернет, на эффективную реализацию уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за изготовление и размещение в сети Интернет порнографических материалов, за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди детей. Звучали предложения также принять программы, направленные на поддержку многодетных и социально незащищенных семей, на формирование позитивного образа многодетных, многопоколенных семей, на пропаганду уважения к старшим, послушания детей родителям, рассмотреть возможность увеличения штата участковых — уполномоченных органов внутренних дел Российской Федерации, принять меры по их прохождению специальных программ дополнительного профессионального образования в указанной сфере — профилактики семейно-бытового насилия.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник юридического факультета Южного федерального университета» принимает для опубликования статьи и краткие сообщения, соответствующие следующим требованиям:

1. В журнале могут быть опубликованы статьи и материалы по юриспруденции, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности аргументации и выводов и рассматривающие вопросы, актуальные для юридической науки и правоприменительной практики.

2. Решение о публикации материала принимает редакционная коллегия, главный редактор или его заместитель в течение трех недель с момента получения материала. Предусматривается обязательное рецензирование статей членами редакционной коллегии или иными ведущими специалистами в соответствующей области научного знания. Решение о публикации принимается на основе выводов, содержащихся в рецензии. В течение 14 дней после поступления статьи в редакцию автору сообщается, будет ли его статья опубликована. Сообщение направляется на электронный адрес, указанный автором. Условием публикации статей и материалов, представляемых аспирантами, является наличие отзыва научного руководителя, рекомендации соответствующей кафедры (лаборатории) и положительная рецензия на данную статью (материал) члена редакционной коллегии журнала (не являющегося членом кафедры (лаборатории), к которой относится автор).

3. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее размещение в тех справочно-правовых системах (в том числе и в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

4. Объем публикуемого материала составляет 9–15 печатных страниц для статей, для сообщений — 5–6 стр. Оригинальность для статей, входящих в рубрику «Общетеоретические и исторические проблемы юридической науки и практики» должна составлять не менее 70 %, для статей, входящих в другие рубрики — не менее 60 %.

5. Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1,25 см, поля сверху, снизу, слева, справа — 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Ссылки оформляются в []. Пример — [1, с. 44], то есть — Источник №1, страница №44. Правило оформления ссылок согласно ГОСТу 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

6. Редакция журнала принимает материалы в электронном виде по электронной почте vestnik@sfedu.ru. На первой странице указывается следующая информация на русском и на английском языках:

- об авторе (соавторах): имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, номера телефонов (служебный и (или) домашний), адрес электронной почты или иная контактная информация;

- название статьи;

- индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК);

- аннотация (изложение основного содержания и выводов статьи (5–7 строк));

- список используемых ключевых слов (не менее 5);

7. Метаданные на английском языке:

- название статьи;

- инициалы и фамилия автора, аффилиация: организация — основной работодатель и ее местонахождение (город, индекс, страна);

- электронный адрес (e-mail) автора;

- аннотация и ключевые слова (перевод на англ. яз. русскоязычного текста).

8. Рекомендуются придерживаться следующей логической структуры при написании статей:

- Вводная часть, в которой отражена постановка задачи (вопрос, на который дается ответ в статье), раскрывается предмет исследования, гипотеза, методология исследования.

- Основная часть, в которой могут быть разделы и подразделы, имеющие наименования. Желательны в основной части: обзор научной литературы с целью введения в проблему; исследовательская часть с системой доказательств и научной аргументацией.

- Заключительная часть, в которой отражены результаты исследования, основные выводы.

9. В конце статьи должен содержаться список всех процитированных в ней произведений («литература»), расположенный в алфавитном порядке. В список не включаются источники, не цитируемые в работе! Оформление списка литературы согласно требованиям — обязательно! Ниже приведены примеры оформления источников:

Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988.

Соболева А.К. Риторическая герменевтика и интерпретация текстов права // Риторика. 1997. № 1(4).

Язовских Ю.А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: автореф. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.

Кабышев В.Т. Человек и власть: конституционные принципы взаимоотношений // Личность и власть (конституционные вопросы): мезвуз. сб. науч. работ. Саратов, 1995.

Решение Московского городского суда от 23.12.2013 по делу № 3-166/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

Редактор А.В. Стахеева
Оригинал-макет А.В. Стахеева
Дизайн обложки А.В. Киреев

Подписано в печать 30.03.2020. Опубликовано 30.03.2020
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60 × 84 ¹/₈. Усл. печ. л. 15,35
Уч.-изд. л. 11,07. Заказ № 7568. Тираж 300 экз.

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, д. 200/1, тел. (863) 243-41-66